

ДЖИНН БЁРДСЕЛЛ

ПЕНДЕРВИКИ НА УЛИЦЕ ГАРДЕМ

КНИГА ВТОРАЯ

Пендервики

Джинн Бёрдселл

Пендервики на улице Гардем

«Розовый жираф»

2008

УДК 821.111(73)-94
ББК 84(7Сое)-44

Бёрдселл Д.

Пендервики на улице Гардем / Д. Бёрдселл — «Розовый жираф»,
2008 — (Пендервики)

ISBN 978-5-4370-0259-9

Пендервики только что вернулись с очень нескучных каникул – казалось бы, теперь можно и поскучать. Увы, не получится: дома четырёх сестёр ждёт серьёзное испытание. Потому что папе, убеждена тётя Клер, пора искать себе спутницу жизни. И что, спрашивается, это должно означать для его дочерей? Кошмарный ужас, вот что. В головах у девочек вызревает блестящий «план папоспасения», и они приступают к его реализации. Ах, знали бы заговорщицы, что спасти им придётся не только папу, а ещё и научные труды одного очень талантливого астрофизика! И знали бы они, к чему всё это приведёт!.. Эта книга – для тех, кто хочет вдоволь насмеяться и почувствовать тепло настоящей дружбы, верности и любви.

УДК 821.111(73)-94

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-4370-0259-9

© Бёрдселл Д., 2008
© Розовый жираф, 2008

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвёртая	23
Глава пятая	30
Глава шестая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джинн Бёрдселл Пендервики на улице Гардем

Посвящается Дэвиду, Эми и Тиму

J. Birdsall
The Penderwicks on Gardam Street

Text copyright © 2008 by Jeanne Birdsall
© Н. Калошина, перевод, 2012, 2019
© ООО «Издательство «Розовый жираф», издание на русском языке, 2019

Пролог

Малышка уже неделю как родилась, а маму всё не выписывали. Три сестры Пендервик навещали её в больнице каждый день, иногда даже по два раза. Но, конечно, им этого было мало – хотелось, чтобы мама поскорее вернулась домой.

– Ну когда уже, когда? – теребила маму Джейн, младшая.

Розалинда хмурилась.

– Пять раз тебе говорили: мама не знает, когда её отпустят. – Розалинде было всего восемь, но она помнила, что она старшая и на ней лежит большая ответственность. – Тётя Клер, можно я подержу Бетти?

Тётя Клер, папина сестра, осторожно передала ей малышку. На свете нет ничего приятнее, чем держать на руках младенца, считала Розалинда. Даже если сам младенец спит и знать не знает, что его кто-то держит.

– Мам! Может, тебя выпустят хоть ненадолго, а? Только туда и обратно. А Бетти пока тут побудет... – Скай, вторая по старшинству, пошла в маму: ей достались мамины светлые волосы и синие глаза. Остальные сёстры были кудрявые, темноволосые и кареглазые – как папа. Ну, или как тётя Клер, это всё равно. У малышки Бетти на голове вился пока только младенческий пушок, но тоже уже тёмненький.

– Нетушки, мои дорогие! Когда меня отпустят, Бетти поедет домой вместе со мной. – Мама весело рассмеялась, но сразу умолкла, зажав бок двумя руками.

Тётя Клер вскочила со стула.

– Всё, хватит вам толпиться в палате! – заявила она племянницам. – Бегите в магазин подарков, выберите там себе кому что нравится. Ну, одна нога здесь, другая там!

– У нас денег нет, – сообщила Джейн.

– Сейчас будут. – Тётя Клер выхватила из кошелька бумажку и протянула Скай. – Розалинда, клади-ка Бетти на место! Ей ещё рано ходить по магазинам.

Вздыхнув, Розалинда уложила малышку в белую колыбельку возле маминой кровати.

– Ладно. Тогда мы сами выберем ей какой-нибудь подарочек.

– Вот ещё, – Скай дёрнула плечом. – И так денег мало, на всех не хватит.

– Скай! – Мама укоризненно покачала головой, но тётя Клер только улыбнулась и вручила Скай ещё несколько бумажек.

– Всё, ребятки-пиратки, на бордаж!

Тётя Клер была самая лучшая из всех тёт на свете. Потому что она любила детей и прекрасно понимала, чего они хотят. И ещё потому что своих детей у неё не было, так что вся она, полностью и безраздельно, принадлежала племянницам. В общем, пусть себе обзывается сколько угодно, сёстры Пендервик не возражали. А Скай так даже понравилось быть «пираткой». У неё и походка тут же изменилась: она двинулась в сторону магазина подарков вразвалочку, как настоящий морской волк, точнее волчица. Розалинда шла позади нормальной, непиратской походкой. Она вела за руку Джейн и здоровалась по пути со всеми медсёстрами и нянечками, с которыми они за эту неделю успели подружиться.

Магазин подарков находился тут же, в больнице – по коридору прямо и направо, девочки туда частенько наведывались. Но, конечно, у них ни разу ещё не было при себе такой кучи денег. Тётя Клер не поскупилась! Сегодня каждая «пиратка» могла купить для себя не какой-то там сувенирчик, а настоящее сокровище. Скай, давно мечтавшая о часах с чёрным ремешком, не задумываясь подскочила к заветной витрине. Джейн сначала, как всегда, поразглядывала всё по очереди, а потом, тоже как всегда, направилась к куклам. Розалинда уже присмотрела мягкую игрушку для Бетти – маленькую чёрную собачку – и пошла выбирать что-нибудь красивое для себя. У её подруги Анны недавно появилось колечко с бирюзой, и теперь Розалинде ужасно хотелось такое же.

Но почему-то её внимание привлекли не колечки, а тоненькое изящное ожерелье: золотая цепочка и на ней пять подвесок, пять золотых сердечек – одно побольше, в середине, и по два поменьше, справа и слева. Она взглянула на цену, посчитала что-то на пальцах, пересчитала для верности ещё раз. А потом позвала сестёр.

– Надо купить вот это ожерелье, – сказала она. – Для мамы.

– Ого, на него ж все наши денежки уйдут! – Скай уже застёгивала чёрный ремешок у себя на руке.

– Ну и что? Зато маме знаешь как понравится? Вот это самое большое сердечко посередке – мама. А четыре поменьше по бокам – я, ты, Джейн и малышка.

Джейн тут же ткнула пальцем в одно из сердечек.

– Вот я! – объявила она. – Розалинда, а мама всё ещё болеет?

– Да.

– Это из-за Бетти?

– Это из-за рака, – ответила Розалинда. Рак. Какое гадкое слово. – Помнишь, папа же нам объяснял. Но она скоро поправится.

– Конечно поправится! – кивнула Скай. – Папа говорит, доктора делают всё, что только возможно. А в этой больнице самые лучшие доктора на свете!

– Ага, – сказала Джейн. – Я за ожерелье для мамы.

– Ну вот! Так всегда. – Вздохнув, Скай направилась к прилавку.

Вернулась она уже без часов, зато вместе с продавщицей, в руках у которой была украшенная бантиком коробочка. А в коробочке – ожерелье.

Теперь Розалинде не терпелось поскорее вернуться назад, к маме и Бетти. Но по дороге Скай и Джейн встретили свою любимую нянечку по имени Руби, которая никогда не отказывалась прокатить их на кресле-каталке. Вот и хорошо, Руби за ними присмотрит! – решила Розалинда и чуть не вприпрыжку помчалась дальше. Она затормозила только у самой двери палаты.

Сразу входить она не стала, решила подождать. Потому что мама и тётя Клер за дверью переговаривались о чём-то быстро и сбивчиво – взрослые часто так говорят, когда никого из детей рядом нет. Конечно, можно было отойти и подождать в сторонке, только зачем? Всё равно же говорят тихо, ничего не разберёшь. Но не успела Розалинда об этом подумать, как голоса зазвучали громче и стало слышно каждое слово. Пришлось слушать.

– Нет, Лиззи, нет! – говорила тётя Клер. – Сейчас рано об этом! Ты как будто уже сда-лась...

– Ты меня знаешь, Клер: пока есть надежда, я не сдамся! Но если что – если я не выкарабкаюсь, – обещаю, что года через три-четыре ты передашь Мартину это письмо. Он страшно стеснительный! Если его не подтолкнуть, ни за что не начнёт ни с кем встречаться. Так и останется один... Даже думать об этом не хочу!

– С ним же будут девочки.

– Да, а потом девочки вырастут и...

Но из-за поворота уже появилась Руби с каталкой, в которой хихикали, хрюкали и повизгивали Скай и Джейн. У самой двери они шумно вывалились из кресла и так же шумно ввалились в мамину палату. Следом вошла озадаченная Розалинда. Зачем маме откуда-то выкарабкиваться? И почему папа должен с кем-то встречаться? На Розалинду вдруг повеяло холодом, даже мурашки пробежали по спине. А тут ещё тётя Клер молча опустила в карман голубой конверт... То самое письмо?

Скай и Джейн сначала, перебивая друг друга, хвастались, как здорово они только что прокатились, потом бурно радовались, застёгивая на маме ожерелье, потом мама сама так ему радовалась и выглядела такой счастливой, что на притихшую Розалинду никто не обращал внимания. Она так и простояла молча в стороне. А потом медсестра привезла какую-то противную тележку и сказала, что маме и малышке пора отдыхать. Девочки стали неохотно прощаться.

Розалинда подошла поцеловать маму последней.

– До завтра, мамочка! – Про себя она решила, что лучше она сегодня продумает все вопросы, а задаст уже завтра – про письмо, про папу, про всё.

Но задать свои вопросы ей так и не довелось, а вскоре она и вовсе о них забыла. Потому что на завтра маме внезапно стало хуже. А неделю спустя надежды уже не осталось, и даже лучшие доктора на свете ничего не могли сделать. В самый последний, невыносимо тяжёлый вечер Элизабет Пендервик лишь ненадолго пришла в себя и едва успела попрощаться с мужем и дочерьми.

Когда под утро она умерла, маленькая Бетти мирно спала у неё на груди.

Глава первая Розалинда печёт пирог

Прошло четыре года и четыре месяца.

Розалинда была счастлива. Её счастье было не такое, как у некоторых – из сплошных восторгов, которые потом оборачиваются сплошными разочарованиями, – а самое обычное, какое бывает, когда в жизни всё идет своим чередом. Три недели назад начался седьмой класс, и это оказалось не так страшно, как все пугали. Кстати, очень удачно получилось, что Розалинда с Анной (Анна – это лучшая Розалиндина подруга) договорились записаться на одни и те же предметы. А ещё на дворе конец сентября, и кусты и деревья уже начали рыжеть, краснеть и пламенеть – самое роскошное время года, считала Розалинда. А ещё сегодня пятница, и значит, школа на этой неделе закончилась. И хотя у Розалинды и в школе полный порядок, но когда впереди выходные – это же всё равно здорово.

Ну и, наконец, сегодня к ним в гости приезжает тётя Клер. Самая-пресамая любимая тётечка Клер, у которой один только недостаток: она живёт не в Камероне, как Пендервики, а в двух часах езды от него. Но она борется с этим своим недостатком, старается выбираться к племянницам как можно чаще – сегодня, например. А у Розалинды накопилось столько всего, о чём хочется рассказать! Самое главное – о летних каникулах. Место в Беркширских горах, где Пендервики провели три чудесных недели, называлось Арундел. Там был мальчик по имени Джеффри, с которым сёстры по-настоящему подружились. А ещё там был Кегни, который на несколько лет старше Розалинды, – ей даже сначала померещилось, что она в него влюбилась, но потом оказалось, что нет. Теперь-то она твёрдо решила не думать ни про какую любовь ещё как минимум несколько лет, но всё же хорошо было бы обсудить этот вопрос с тётей Клер.

А до тётиного приезда надо ещё переделать кучу дел: перестелить постель в гостевой комнате, сменить полотенца в ванной, испечь пирог. А до этого – забрать Бетти из садика. Каждый день после школы Розалинда заходила в садик Голди за младшей сестрёнкой и вела её домой. В этом году папа впервые доверил Розалинде заботу о сёстрах, и она очень этим гордилась. Раньше папа всегда приглашал бебиситтеров, чтобы было кому присмотреть за девочками во второй половине дня, когда он сам ещё на работе, а они уже дома. Чаще всего – кого-нибудь из взрослых сестёр Милович, живших по соседству. Конечно, сёстры Милович очень милые и все как одна красавицы, но спрашивается: зачем Розалинде бебиситтер, когда ей уже двенадцать лет и восемь месяцев? Она и сама прекрасно присмотрит за младшими до папиного прихода.

От школы до садика Голди идти десять минут, и сейчас как раз начиналась десятая. А вон и дом на углу, обшитый серой вагонкой, уже даже видны разбросанные по веранде игрушки... Так, а это кто там сидит на ступеньках, в полном одиночестве? Красный свитер, тёмные кудряшки... Розалинда перешла на бег.

– Бетти, ну как же так! Мы ведь с тобой договаривались! Ты должна ждать меня внутри, а не снаружи.

Бетти обхватила старшую сестру обеими руками.

– Ну и что? Голди же смотрит за мной в окошко.

Розалинда обернулась. Так и есть: Голди стоит у окна, машет им с Бетти и улыбается.

– Всё равно, в следующий раз жди внутри!

– Хорошо. Только сегодня я не могла внутри. Потому что я сильно-сильно хотела тебе показать... – Бетти подняла обмотанный лейкопластырем пальчик. – Видишь? Это я порезалась, когда мы лепили из глины.

Розалинда поймала пальчик и поцеловала его прямо в лейкопластырь.

– Очень было больно?

– Да. – Бетти гордо кивнула. – Кровь капала на глину. А другие девочки как испугаются, как закричат!

– Здорово. – Розалинда помогла Бетти вдеть руки в лямки голубого рюкзачка. – А теперь домой! Будем готовиться к приезду тёти Клер.

Обычно Розалинда и Бетти брели домой не торопясь: останавливались около вечнозелёного сассафраса – разглядывали рассечённые листочки, похожие на маленькие варежки, – а после дождя бродили по водостоку, где воды было ровно столько, чтобы можно было по ней шлёпать, но не зачерпывать в сапоги. А ещё был далматинец, который страшно лаял из-за забора, а на самом деле просто хотел, чтобы его потрепали за ухом, и трещины в тротуаре, через которые надо непременно перепрыгивать, и коричневый дом, весь в цветах, и столбы, на которых иногда появляются объявления о пропаже кошек или собак. Бетти всегда изучала эти объявления очень внимательно и спрашивала: почему хозяева так плохо смотрят за своими животными?

Но сегодня они спешили домой и ни на что не отвлекались – тётя Клер приезжает! Только раз притормозили: Бетти решила отнести в сторонку одного глупого червяка, который выполз прямо на тротуар. Вскоре они уже сворачивали на свою родную улицу Гардем. Улица Гардем – маленькая, всего пять домов, но сёстры Пендервик знали и любили её всю до сантиметрика: ведь они жили на ней с самого рождения. Даже сейчас, когда они так торопились домой, Розалинда замедлила шаг, чтобы полюбоваться гордостью Гардема – пятью высокими раскидистыми клёнами. Вот они, все как на ладони. У каждого дома – свой клён. Дома, правда, были построены давно и уже успели состариться, и стояли они не по линейке, а как попало. Но всё равно это были хорошие, крепкие, удобные дома, и хозяева за ними следили. А когда идёшь по улице, кто-нибудь из соседей обязательно тебе улыбается и приветливо машет рукой. Сначала мистер Коркхилл – вон он, косит траву на своём газоне перед домом. Дальше миссис Гейгер – она возвращается из магазина, у неё машина доверху набита продуктами. А дальше Розалинда уже не смотрела и не махала в ответ, потому что Бетти вдруг припустила вперёд во весь дух.

– Скорей! Скорей! – донеслось до Розалинды. – Я уже его слышу!

Это тоже было частью привычного ритуала. Пёс Пендервиков (которого так и звали: Пёс) чувствовал, когда Бетти подходит к дому, и каждый раз поднимал шум на всю улицу. Так что домой сёстры не пришли, а примчались. Когда Розалинда отперла дверь, Пёс бросился к Бетти с таким восторженным лаем, будто она не в садик ходила, а сто лет пропадала неизвестно где.

Розалинда с трудом затащила Пса обратно в дом, все трое – Розалинда, скачущий Пёс, пританцовывающая Бетти – переместились из прихожей в гостиную, оттуда в кухню, – и наконец Розалинда, распахнув дверь, вытолкала счастливую парочку во двор. Уфф!.. Она прислонилась спиной к двери, чтобы перевести дух. Скоро придётся готовить полдник для Бетти, но в ближайшие несколько минут можно заняться своими делами. Например, тестом для пирога. Розалинда уже решила, что она будет сегодня печь: ананасовый перевёртыш.

Тихонько напевая, Розалинда достала с полки семейную поваренную книгу. Её когда-то подарили маме с папой на свадьбу, и она вся была в маминых карандашных пометках. Розалинда знала эти пометки наизусть, у неё даже были свои любимые – вот например, рядом с рецептом сладкого картофеля в карамельном соусе: «Ужас! Сплошное издевательство над

картошкой!» Рядом с рецептом ананасового перевёртыша никаких пометок не было. Но Розалинда решила: если пирог удастся, она напишет что-нибудь от себя. Она иногда так делала.

– «Растопить четверть чашки масла», – прочла она. Поставив глубокую сковородку на плиту, Розалинда включила конфорку и шлёпнула на сковородку брусок сливочного масла. Масло тут же начало таять и потрескивать, и кухня наполнилась восхитительным ароматом рождающегося пирога. – «Добавить чашку коричневого сахара». – Она отмерила сахар и высыпала его в растопленное масло. – «Размешать до полного растворения».

Полное растворение произошло очень быстро. Отставив сковородку в сторону, Розалинда вскрыла банку с консервированными ананасами и выложила ананасовые колечки в сахарно-масляную смесь. Потом отступила на шаг и полюбовалась результатом.

– Отлично, Роза, – сказала она сама себе. – Ты просто волшебница!

Она напевая вернулась к поваренной книге. Тут ей вдруг подумалось: почему это во дворе так подозрительно тихо? Розалинда выглянула за дверь. Ясно почему: Бетти и Пёс спрятались в кустах форзиции, высаженных между двумя участками, и шпионят за соседями. Розалинда нахмурилась. Ладно бы это ещё были Туттлы, соседи справа, – Туттлы живут на улице Гардем всю жизнь и знают Бетти и Пса как облупленных. Даже если бы эта парочка подкралась к их окну подсмотреть, что у них лежит на тарелках, – Туттлы и то бы не рассердились. Посмеялись бы, и всё. Но нет же, Бетти и Псу приспичило шпионить за Ааронсонами – новыми соседями, которые только-только въехали в дом слева от Пендервиков. Этот дом долго пустовал, и сёстры возлагали на него большие надежды. Хорошо бы он достался какой-нибудь большой семье, думали они. И чтобы детей побольше – чем больше, тем лучше. Однако Ааронсоны оказались совсем маленькой семьёй: мама и сын, который ещё и ходить-то толком не умеет. И всё. Папа у них умер ещё до рождения сына. Зато и мама, и мальчик – оба с рыжими волосами. Ладно, будут теперь свои рыжие на улице Гардем, и на том спасибо. Хотя цвет волос, конечно, не главное в человеке, это понятно. Мистер Пендервик и миссис Ааронсон уже кивали друг другу при встрече – они оба преподавали в местном университете, он ботанику, а она астрофизику, – но официального знакомства с соседями ещё не было.

Нет, всё же так нельзя, решила Розалинда. Надо сначала познакомиться, а потом уже шпионить.

– Бетти! Ну-ка иди сюда! – крикнула она.

Бетти и Пёс неохотно выползли из-под форзиции и подошли к двери кухни.

– Мы просто играли в секретных агентов.

– Играйте во что-нибудь другое. Нашим соседям может не понравиться, что вы за ними подглядываете.

– Они не узнают. Их же нет во дворе. А мы с Пёсиком только хотели посмотреть на кота.

– У Ааронсонов есть кот? Я не знала.

– Конечно есть. Большой-пребольшой. Такой рыжий, что даже оранжевый. Он всегда сидит на окошке, и Пёс его уже очень любит. Да, Пёс?

Пёс в подтверждение радостно замахал хвостом. Правда, насчёт его любви к коту у Розалинды всё же имелись кое-какие сомнения. Ей не доводилось наблюдать, как у Пса складываются отношения с котами, зато она хорошо знала, как он ведёт себя при встрече с белками. И все белки, имевшие неосторожность поселиться на улице Гардем, тоже это знали. Но спорить с Бетти о том, любит ли Пёс котов, не имело смысла, и Розалинда сменила тему.

– Как думаешь, тебе не пора перекусить?

Перекусить Бетти никогда не отказывалась, особенно когда ей выдавали солёные крендельки с сыром и виноградный сок. И особенно когда ей, как сегодня, разрешалось перекусывать под кухонным столом. Под столом – это как раз самое подходящее место для секретного агента.

Разобравшись с Бетти, Розалинда вернулась к пирогу.

– «Чашку муки просеять через сито...» – Но тут опять пришлось прерваться: в кухню вошли, точнее влетели, Скай и Джейн, у которых тоже закончились уроки.

Посреди кухни Скай затормозила и принялась. Её светлые волосы, небрежно заправленные под камуфляжную шляпу, выбились и смешно торчали во все стороны.

– Ой, как вкусненько пахнет! – Заметив сковородку с масляно-сахарно-ананасовой смесью, Скай немедленно сунула в неё палец.

Розалинда замахнулась на сестру полотенцем, но Скай ловко увернулась, хохоча и облизываясь.

– Ты последняя? Звони папе! – бросила ей Розалинда.

Таков был заведённый порядок. Розалинда ходила теперь в среднюю школу (начальная – с первого по шестой класс) и по дороге домой забирала Бетти. Скай училась в шестом классе, Джейн – в пятом, обе ходили в «Лесную» – так называлась их началка – и возвращались домой вместе. Та из сестёр, которая вошла в дом последней, должна звонить папе на работу, чтобы он знал, что всё в порядке.

– А вот и нет! – заспорила Скай. – Джейн вошла после, пусть она звонит!

– Я не могу звонить, я в унынии, – сообщила Джейн. – Из-за сочинения.

Вот это неожиданность. Писать сочинения Джейн любила больше всего на свете – даже больше футбола, который она обожала. Оторвавшись от поваренной книги, Розалинда приоткрыла дверь к сестре. Джейн определённо выглядела расстроенной, даже заплаканной.

– Что случилось? – спросила Розалинда.

– Мисс Бунда влепила ей тройку за сочинение! – Скай молниеносно запустила руку под стол и умыкнула у Бетти ломтик сыра.

– Всё кончено, – сказала Джейн. – Теперь мне не стать писательницей!

Скай пожала плечами.

– Я же говорила, мисс Бунде не понравится.

– Дай посмотреть, – потребовала Розалинда.

Джейн вытащила из кармана несколько скомканных листов бумаги и кинула их на стол.

– У меня больше нет профессии. Отныне я никто, бездомная нищенка. Мой удел – вечные скитания.

Розалинда разгладила мятые листы, нашла первую страницу и стала читать.

– «Знаменитые женщины в истории штата Массачусетс, сочинение Джейн Летиции Пендервик. Среди множества женских имён, связанных с историей Массачусетса, я прежде всего хочу назвать выдающееся имя Сабрины Старр...» – Розалинда удивлённо подняла глаза на сестру. – Что, всё сочинение про Сабрину?

– Ну да, – сказала Джейн.

Сабрина Старр была героиней пяти книг, написанных Джейн. В каждой книге Сабрина кого-нибудь спасала. Пока что она успела спасти сверчка, воробьёнка, черепаху, сурка и мальчика. Последнюю книгу, «Сабрина Старр спасает мальчика», Джейн сочинила совсем недавно, во время летних каникул. Она считала её своим лучшим произведением.

– Но задание-то было – написать о женщинах, которые по-настоящему жили в Массачусетсе!

– Вот, а я что говорю?.. Ой! – Скай проворно отскочила от стола. Оказалось, Бетти ущипнула её за ногу – в отместку за украденный сыр.

– Там же всё объяснено, – вздохнула Джейн. – На последней странице.

Розалинда отыскала последнюю страницу и прочла:

– «Конечно, на самом деле никакая Сабрина Старр в Массачусетсе никогда не жила, но всё равно писать о ней гораздо интереснее, чем о Сьюзен Энтони или Кларе Бартон, которые давно всем надоели». Джейн! И ты ещё удивляешься, почему у тебя тройка?

– У меня тройка, потому что у мисс Бунды нет воображения, вот почему. Ну и пусть. Если человек уже пишет настоящие книги, что ему какие-то школьные сочинения!

Зазвонил телефон, Скай сорвалась с места.

– Привет, пап. Дома, только что вошли... Да, как раз собирались тебе звонить... У всех всё хорошо, только Джейн никак не может успокоиться... Нет, просто тройка за сочинение... Да, правда? – Скай обернулась к Джейн. – Папа говорит, что Льва Толстого вообще выгнали из университета, но он всё равно написал «Войну и мир».

– А меня, если дальше так пойдёт, ни в какой университет и не примут.

Скай кивнула.

– Она говорит, если так пойдёт, её и в университет не примут... Как-как? Ещё раз... Ага, поняла. Пока.

– Что он сказал? – спросила Джейн.

– Сказал, чтобы ты не беспокоилась, потому что у тебя *tantum amorem scribendi*¹. – Последние три слова Скай произнесла медленно и старательно. И немудрено: они были на латыни.

Джейн с надеждой обернулась к Розалинде.

– Ты не знаешь, что такое *tantum am...* Ну, в общем, что это такое?

– Извини, мы по латыни дошли пока только до *agricola, agricolae*². – В этом году Розалинда специально записалась в школе на латынь, чтобы лучше понимать папины изречения (так уж сложилось, что мистер Пендервик частенько общался с дочерьми на латыни). – Вот если папа скажет: «Я – земледелец», – тогда я тебе сразу всё переведу.

– Ага, конечно, так прямо и скажет, – проворчала Скай. – С чего, интересно, ему говорить, что он земледелец, когда он профессор...

– А в каком возрасте можно уже читать «Войну и мир»? – спросила Джейн. – Хочу убедиться, что мы с мистером Толстым родственные души. Если так, то его творение поможет мне залечить душевные раны.

– Не знаю в каком, но не в десять лет, это точно. – Получив очередной шипок из-под стола, Скай решила переметнуться обратно к сковородке с ананасовой смесью, но тут уж Розалинда была начеку.

– Больше не получишь! – твёрдо сказала она. – Я делаю ананасовый перевёртыш к приезде тёти Клер. И на что он, по-твоему, будет похож?

– Ой, тётчка Клер приезжает! – Джейн просияла. – Я и забыла, пока предавалась отчаянию. Вот кто залечит мои душевные раны!

– Кстати, пока я закончу с пирогом, вы со Скай можете подготовить для тёти Клер гостевую комнату.

– А уроки?.. – Скай попыталась незаметно выскользнуть за дверь.

– А уроки ты всё равно по пятницам не учишь, – напомнила ей Розалинда. – Всё, вперёд!

Скай исполняла трудовую повинность хоть и неохотно, но всегда добросовестно, так что в течение следующего часа в доме было переделано множество дел: полотенца заменены, бельё перестелено, гостиная приведена в надлежащий вид, и даже Бетти и Пёс причёсаны и приглажены. А когда Розалинда вытаскивала пирог из духовки, дом огласился радостным воплем Джейн:

– Тётя Клер приехала!

---

¹ Великая любовь к писательству (*лат.*) – здесь и далее примечания переводчика.

² Розалинда назвала именительный и родительный падежи: «земледелец, земледельца». Чтобы правильно склонять латинские существительные, надо знать обе эти формы, поэтому их заучивают вместе.

Глава вторая Голубое письмо

Сначала всё шло как всегда, в каждый приезд тёти Клер. Все лезли к ней обниматься – «чур, я первая, нет, я первая!», – а она раздавала гостинцы: из одного кармана собачье печенье, из другого карамельки, кому что. Потом с работы вернулся мистер Пендервик, и она, тоже как всегда, отправилась с ним на кухню. Усевшись на край стола, она мешала ему готовить ужин (печёные баклажаны с сыром) и поддразнивала его, когда он терял то ложку, то очки, то соль – что, надо сказать, случалось с ним практически ежеминутно. И за ужином тётя Клер продолжала вести себя как обычно: рассказывала смешные истории про свою работу, забрасывала девочек вопросами про школу. Но потом печёные баклажаны кончились, девочки собрали тарелки, а с их тётей начало твориться что-то странное. Когда Розалинда ставила на стол блюдо с ананасовым перевёртышем, тётя Клер вдруг вскочила, с шумом отодвинув стул.

– Вот что... – Она немного постояла и снова села. – Нет, не сейчас.

– Что «не сейчас»? – спросила Джейн.

Тётя Клер опять встала.

– Собственно, можно и сейчас... Хотя нет, лучше потом.

Опять села, улыбнулась всем по очереди. И все бы ей тоже с удовольствием улыбнулись, только... только почему это у самой тётя Клер улыбка какая-то виноватая? Но представить себе, в чём может быть виновата тётя Клер, ни у кого не хватало фантазии.

Мистер Пендервик нахмурился.

– Клер, да что с тобой сегодня?

– Всё нормально. Не обращайтесь внимания! – Она весело взмахнула рукой. – Розалинда, ты разве не собираешься резать свой чудесный пирог?

Розалинда взялась за нож, но не успела сделать надрез, как тётя Клер опять вскочила на ноги.

– Нет, нет, не могу больше с этим тянуть! Пойду принесу из багажника ваши подарки... – Последние её слова долетели уже из-за двери.

– Какие подарки? – насторожилась Скай.

Никто не ответил. Не новогодние, это ясно. До Нового года ещё куча времени. Как и до дней рождения.

– Тётя Клер с ума сошла, да? – заинтересованно спросила Бетти.

И ей тоже никто не ответил. Может, и не сошла, просто притворяется. Но очень похоже.

Через минуту тётя Клер вернулась на кухню. Она везла за собой новенькую ярко-красную тележку, гружённую какими-то пакетами подарочного вида, и быстро-быстро говорила:

– Ну, кому вот эта хорошенькая тележка, вы уже поняли... Извини, малыш, не получилось её красиво обернуть, она для этого великовата... А то, что в обёртках, вот это, вот это и вот это, – твоим сёстрам.

– Эй, Клер, – сказал мистер Пендервик. – С чего это ты так расщедрилась?

– Разве я не могу сделать родным племянницам подарок просто так?

– Но раньше же не делала, – резонно заметила Розалинда. Эта сегодняшняя тётя Клер нравилась ей всё меньше и меньше.

– Клер! – Мистер Пендервик покачал головой. – Только не пытайся темнить, всё равно у тебя ничего не выйдет... Помнишь мою подводную лодку?

– Какую подводную лодку? – спросила Скай.

– В детстве у меня была любимая модель подводной лодки, а ваша тётя её сломала. И заявила потом, будто это наша собака Оззи её погрызла! Но я-то знал, кто её погрыз.

– Мартин, твоя подводная лодка тут совершенно ни при чём! – воскликнула тётя Клер.

– А что при чём?! – не выдержала Розалинда. Ну невозможно же, когда ничего не понятно!

– Тётя Клер, ты не заболела? – заволновалась Джейн, и вид у неё стал такой, будто она сама больна и вот-вот хлопнется в обморок.

– Нет, что ты! Просто... Ах, надо было мне поговорить с вашим папой позже, когда вы уже уйдёте спать... Хотя можно и раньше, конечно... Просто я... Мартин!

Мистер Пендервик снял очки и протёр их рукавом.

– Вот что, – обернулся он к дочерям. – Оставьте-ка нас на несколько минут. Кажется, ваша тётя хочет мне что-то сказать.

– Пусть они сначала посмотрят свои подарки, – взмолилась тётя Клер. – Или хоть возьмут их с собой, а?

– Хорошо, пусть возьмут.

Девочки унылой вереницей потянулись из кухни в гостиную. Розалинда тащила за собой красную тележку. Скай тащила Пса, которому совсем не нравилось, что его уводят от ананасового перевёртыша. Глядеть на подарки никому не хотелось.

– Но будет же невежливо, если мы их даже не откроем, да? – нарушила молчание Джейн. Её, как и остальных, подарки сейчас ни капельки не интересовали. Просто вдруг подумалось, что свёрток с надписью «Джейн» размером и формой похож на стопку книг.

Розалинда выдала сёстрам надписанные подарки. Джейн угадала, ей достались книги – целых шесть томов её любимой Евы Ибботсон³. Скай получила бинокль ночного видения – настоящий, армейский. В свёртке для Розалинды оказались два свитерка, белый и голубой.

– Ничего себе, – ахнула Розалинда. – Целых два! Видно, дела совсем плохи.

– А у меня все книги в твёрдом переплёте, – подлила масла в огонь Джейн. – И две из них я ещё даже не читала. Прямо какой-то царский подарок! Будто тётя Клер собралась умирать и решила оставить по себе добрую память.

– Да ну тебя! Она же нам ясно сказала: здорова она! И вид у неё здоровый.

– Ну и что? Бывает, что у человека вид совершенно здоровый и цветущий, а он хоп – и умирает!

– Тогда мы все сейчас хоп и умрём, да? – Бетти залезла в свою новую красную тележку: может, там будет безопаснее.

– Глупости, никто тут не собирается умирать! – рассердилась Розалинда.

– Тс-с-с!

Только сейчас все заметили, что Скай тихо-тихо стоит под кухонной дверью.

– Подслушиваешь? – спросила Джейн.

– Подслушивать нехорошо! – буркнула Скай. – Но стоять-то можно. Вот я и стою.

Ответ Скай показался сёстрам таким убедительным, что они тоже решили подойти и постоять рядом. И если при этом они стояли молча – а что было говорить? – это же не значит, что они все вчетвером подслушивали? Впрочем, ничего полезного они всё равно не услышали:

---

³ Британская писательница Ева Ибботсон (1925–2010) – автор многих детских книг, в том числе таких замечательных, как «Тайна платформы № 13», «Мисс Ведьма», «Операция “Монстры”», «Великий поход привидений».

всё сливалось в сплошное «бу-бу-бу», только иногда удавалось разобрать отдельные слова. «Бу-бу-бу», торопясь доказывала папе тётя Клер. «Нет!» – громко и твёрдо отвечал ей папа. После этого они ещё долго ходили туда-сюда по кухне и о чём-то спорили, но девочки уловили только имя «Элизабет» – мамино имя, – произнесённое несколько раз. Потом всё стихло. А потом дверь распахнулась без предупреждения, так что Скай чуть не схлопотала по носу, и в гостиную вышел папа.

Волосы у него были взъерошены, очки сползли на самый кончик носа. В руке он бережно – как что-то хрупкое, драгоценное – держал листок голубой бумаги. На Розалинду вдруг повеяло холодом, по спине пробежали мурашки, и было непонятно, откуда всё это взялось: письмо, холод, мурашки.

– Заходите! – позвал их папа. – И не волнуйтесь, никакой трагедии нет. Скорее комедия... Или трагикомедия.

Девочки гуськом вернулись на кухню, расселись по своим местам и поблагодарили тётю Клер за подарки. Про ананасовый перевёртыш, одиноко стоявший посреди стола, никто даже не вспомнил.

– Ну, давай, Клер, – сказал мистер Пендервик. – Твоя затея, ты и излагай.

– Сколько раз тебе говорить, Мартин, затея не моя, а...

– Вот и объясни это девочкам.

– Девочки!.. – Тётя Клер помолчала секунду, потом заговорила очень быстро: – Что вы скажете, если ваш папа начнёт с кем-нибудь встречаться?

Девочки ничего не могли сказать. Они онемели. Потому что вот уж этого они точно не ожидали.

Первая заговорила Джейн.

– Встречаться... это когда кино, кафе, амуры? – уточнила она.

Мистер Пендервик возмущенно фыркнул, отчего его очки свалились наконец с носа и брякнулись на пол.

– Для начала хватит кино и кафе. – Подхватив очки с пола, тётя Клер вручила их брату. – Амуры вполне могут подождать.

Никто опять не нашёлся что ответить, и в кухне повисла тишина. Один только Пёс старательно сопел и пыхтел: он искал, не завалилась ли в щель крошка собачьего печенья.

Потом высказалась Скай.

– Пап, ты только не обижайся, ладно? Но, по-моему, все эти шуры-амуры – не для тебя.

– Не обижусь, дочка. Я с тобой согласен, – сказал мистер Пендервик.

Бетти тихонько перебралась со своего стула на папины колени.

– Тогда зачем тебе с кем-нибудь встречаться, пап?

– Затем, что ваша мама так решила, малыш, – ответила за него тётя Клер.

– Мама? – Джейн тихо ахнула.

Розалинде вдруг стало душно и глазам больно от яркого света.

– Не верю! – Она тряхнула головой. – Тут какая-то ошибка.

– Да нет, всё верно, Роза. Это была мамина идея. – Мистер Пендервик задумчиво смотрел на голубой листок, который он всё ещё держал в руке. – Понимаешь, она за меня беспокоилась. Не хотела, чтобы я остался один.

– Но у тебя же есть мы, – возразила Розалинда.

– Взрослые иногда нуждаются в компании других взрослых, – сказала тётя Клер. – Даже если дети у них самые распрекрасные.

– Я только не могу понять, – Скай потянулась за вилкой, – почему вы сейчас-то об этом заговорили? У тебя что, есть кто-нибудь, с кем ты собрался... – она ткнула вилкой в столешницу, – встречаться?

– Нет. – Мистер Пендервик поглядывал на вилку так, будто ему хотелось отобрать её у дочери и самому во что-нибудь потыкать.

– Ваша мама решила, что, когда вы немного подрастёте – а вы уже немного подросли, – папа должен подумать и о себе, о своей жизни. Ну то есть как-то её устроить. И, наверно, она права. В общем... – Тётя Клер слегка запнулась, но тут же продолжила: – Мы с Мартином договорились так. Он всесторонне изучает этот вопрос, находит для себя... м-м-м... подходящих кандидатов и встречается с ними. И делает как минимум четыре попытки.

– Четыре!

Раз... два... три... четыре – вилка Скай четырежды ткнулась в столешницу.

– Если в итоге он всё-таки решит жить отшельником – пожалуйста. Но сначала он должен попытаться. И потратить на это несколько месяцев. И отнестись к этому серьёзно! Да, серьёзно, а не крутить носом и не делать вид, будто во всём штате Массачусетс нет ни одной приличной женщины! – На этом месте мистер Пендервик со стоном закатил глаза, но тётя Клер неумолимо продолжала: – А чтобы помочь вашему папе сделать первый шаг – ну, то есть чтобы облегчить ему задачу, – я уже позвонила одной своей приятельнице, а она позвонила другой своей приятельнице, которая живёт здесь, в Камероне. И которая не замужем.

Розалинде становилось всё хуже: в ушах у неё звенело и гудело – правда, с той стороны, где холодильник, гудело почему-то заметно громче.

– Ну и? – Скай воткнула бедную вилку в стол изо всех сил – даже черенок погнулся.

– Ну и – завтра вечером у меня свидание с некой мисс Мунц, – сказал мистер Пендервик. – Понятия не имею, кто она такая. Всё. *Iacta alea est*⁴. Жребий брошен.

Розалинда вдруг резко вскочила на ноги, так что стул с грохотом опрокинулся.

– Что с тобой? – чуть ли не хором воскликнули все, но Розалинда и сама не знала, что с ней. Знала только, что она задохнётся, если немедленно, сейчас же не выйдет на воздух. Спотыкаясь и отталкивая чьи-то руки, она устремила к выходу. Уже в прихожей до неё донёсся голос тёти Клер: «Не трогайте её, пусть...»

«Да, не трогайте меня, – думала Розалинда. – Пусть!»

И папин голос:

– Роза!

Но ответить ему – даже просто оглянуться – было выше её сил. Оказавшись на улице, Розалинда несколько раз глубоко, жадно втянула в себя ночной воздух. Наконец-то!

Вот сейчас она пройдёт по улице Гардем, и это ей поможет. Обязательно поможет.

---

⁴ Мистер Пендервик сам иногда помогал дочерям понимать мудрёные латинские изречения: скажет что-нибудь на латыни – и тут же переведёт, как здесь. Это каждый раз бывало очень кстати, иначе дочери могли бы совсем запутаться. Не говоря уже о переводчике.

Глава третья Чтобы лучше спать

– «И он повесил свой новый китель на крючок для кителя, а свой новый носовой платок – на крючок для носового платка, а штаны – на крючок для штанов, а верёвку – на крючок для верёвки, а сам улёгся на койку»⁵, – читал мистер Пендервик.

– Про ботинки пропустил. – Бетти лежала в постели и слушала очень внимательно.

– Да, про ботинки, – подтвердила тётя Клер.

Мистер Пендервик вернулся на строчку вверх.

– «И поставил свои новые ботинки под койку, а сам улёгся на койку».

– «И сказал: отныне всегда будет так! Потому что я – настоящий моряк», – закончила Бетти. – А теперь песенку.

– Доченька, для песенки уже поздно. Пора спать!

– А Розалинда всегда в конце поёт песенку. Да, Пёс? – спросила она Пса, который сидел перед кроватью и тоже внимательно слушал.

В ответ Пёс гавкнул несколько смущенно: он, конечно, всей душой на стороне Бетти, но кормит-то его мистер Пендервик.

– Ай-яй-яй, Пёс! Ну ты и предатель. – Мистер Пендервик покачал головой.

– Да ладно тебе, Мартин, – вступилась за Пса тётя Клер. – Давай лучше споём хором, все вместе, – три, четыре!..

– Ну вот. Вы всегда меня переговорите, вас вон сколько, а я... Ладно, так и быть. Но только один раз!

И они запели все вместе – Пёс тоже подпевал в нужных местах:

*Я бесстрашный пёс-капитан,
Я отважный пёс-капитан.
Посигналив гудком,
Я пройду над китом,
Даже в самый большой туман.*

*Я отважный пёс-капитан,
Я бесстрашный пёс-капитан.
Я штурвал удержу
И спокойно скажу:
«Не боюсь я тебя,
Ураган!»*

---

⁵ Мистер Пендервик читает Бетти старую (вышедшую ещё в 1953 году), но по-прежнему любимую всеми американскими детьми книжку Маргарет Уайз Браун «Пёс-моряк» (*The Sailor Dog*).

Когда песенка кончилась, взрослые пожелали Бетти спокойной ночи и подоткнули ей одеяльце с единорогом. А сама Бетти легла на бочок, свернулась калачиком и зажмурила глаза. Так, с зажмуренными глазами, она лежала и ждала, когда все выключат свет и уйдут. И закроют за собой дверь. И дойдут по коридору до лестницы. И спустятся вниз. А потом она снова включила свет и на цыпочках подбежала к своей новой красной тележке. Прекрасная, чудесная, самая лучшая тележка на свете. И как только Бетти раньше без неё жила?

– Я сейчас сяду в неё, – сказала она Псу. – Сяду и буду ждать, когда придёт Розалинда.

Эта мысль была так хороша, что Бетти немедленно забралась в тележку и стала ждать. Розалинда ведь может прийти в любую минуту, думала она. Правда, Розалинда куда-то очень торопилась, когда уходила. Она даже хлопнула дверью – хотя Розалинда никогда, никогда не хлопает дверью. Но всё равно, она обязательно вернётся, чтобы рассказать Бетти вечерний рассказ. Конечно, папа с тётёй Клер уже прочитали ей книжку про пёсика, который был настоящим моряком. Книжка хорошая, и они хорошо её прочитали. Но вечерний рассказ – это совсем другое. Он нужен, чтобы лучше спать.

Так она сидела в своей тележке, напевая про себя песенку пёсика-моряка, и время шло, а Розалинда не шла. Уже и Пёс уснул, а Бетти всё сидела и сидела. Наконец она поняла, что больше не может так сидеть и сидеть. Она вылезла из тележки, вытащила её в коридор и, вместе с тележкой, направилась в комнату Скай и Джейн.

Не успела она постучать, как дверь распахнулась и из комнаты выглянули нацеленные прямо на Бетти стёкла бинокля.

– А, это ты... – разочарованно протянула Скай. – Я думала, Розалинда вернулась.

– Я хочу вечерний рассказ.

– Не знаю я никаких рассказов. Давай топай к себе и ложись спать.

Но Скай всё же отступила в сторону, чтобы Бетти – вместе с тележкой – могла войти.

Комната была не простая, а разделённая строго посередине на две половины. На половине Скай всё было аккуратно прибрано, стены чисто белые, на кровати – простое голубое покрывало. Единственным украшением служила висевшая на стене таблица в рамке: перевод размеров из дюймовой системы в метрическую. На половине Джейн стены были нежно-лиловые, смятое покрывало в цветочек валялось на полу, а кругом – горы исписанных бумажек и книжки, книжки, книжки... И, конечно, куклы. Потому что у Джейн жили не только её собственные куклы – все, подаренные ей когда-то, от первой до последней, – но и все куклы Скай.

Бетти с тележкой свернула на половину Джейн. Правда, у Скай свободного места больше, но Скай сильно огорчится, если тележка на что-нибудь наедет – а она обязательно наедет, Бетти же пока не умеет с ней как следует управляться. Вот как раз сейчас на колесо намоталось свесившееся с комода полотенце и стянуло за собой целую гору вещей. На вершине горы оказались футбольные гетры в красную и жёлтую полоску.

Джейн на секунду оторвалась от чтения (она лежала, растянувшись на кровати, и читала «Операцию “Монстры”»).

– О, вот они где, мои гетрочки! Бетти, посмотри, а остальная моя форма там где-нибудь не валяется? А то завтра игра...

Но у Бетти так слипались глаза, что она при всём желании не отыскала бы футбольную форму среди этих завалов.

– Пожалуйста, – попросила она, – расскажи мне вечерний рассказ.

– Знаешь, я сейчас в середине главы. Если хочешь, могу дочитать её вслух.

– Но мне же будет непонятно. – Бетти чувствовала, что слёзы уже близки, и она боролась изо всех сил, но одна слезинка всё же выкатилась и поползла вдоль носа.

– Э, она сейчас заплачет, – сказала Скай.

– Я не заплачу. – Но за первой слезинкой уже катилась вторая.

Джейн закрыла книжку и похлопала ладонью по кровати. Бетти благодарно вскарабкалась и села рядом.

– Ладно, придумаю для тебя рассказ, – пообещала Джейн. – Подожди минутку... А, знаю! В одной стране...

– Только чтобы без Сабрины Старр, – предупредила Скай. – Сабрину я сегодня не выдержу.

– Ну и напрасно. В трудные минуты Сабрина очень помогает. Но я сейчас не про неё. В одной стране...

– И без Мика Харта, – неумолимо добавила Скай. Мик Харт был персонаж, в которого Джейн иногда перевоплощалась во время игры, – профессиональный футболист, англичанин и жуткий грубиян. Скай и так была сыта этим Миком по горло. Особенно в футбольный сезон. Потому что сёстры не только жили в одной комнате, но и играли в одной команде.

– Расскажи про кого хочешь, – сказала Бетти. – Я согласна.

– Спасибо, Бетти. В одной стране... – Джейн покосилась на Скай, но та лишь пожала плечами, поднесла бинокль к глазам и принялась разглядывать что-то за окном, – ...жили-были король и королева. И было у них три дочери, три принцессы, любимицы всей страны.

– Как эта страна называлась?

– Камерония. Старшая из принцесс была добрая и красивая. Средняя – умная и бесстрашная. А третья принцесса была большая выдумщица. Она работала без усталости, сочиняла такие великолепные истории, полные такой неиссякаемой фантазии, что все камероняне в один голос восклицали: вот кто у нас самая замечательная, самая талантливая принцесса на свете!

От окна, где стояла Скай, донёсся хмык, но Джейн не удостоила его вниманием.

– И всё же король и королева чувствовали, что им чего-то не хватает. Наконец королева сказала: «Нам нужна ещё одна принцесса. Такая, чтобы... чтобы...»

– Чтобы что? – спросила Бетти.

– Ну, чтобы она умела то, чего не умеют остальные три.

– И что же это такое? – опять встряла Скай. (Хотя могла бы и не встревать, раз уж помощи от неё никакой.)

– Она умела понимать животных, – сказала Бетти.

– Точно! – воскликнула Джейн. – Королю и королеве понадобилась принцесса, которая умела бы понимать животных! И тогда они завели себе четвёртую принцессу.

Дверь отворилась, и вошла Розалинда. Вид у неё был как у привидения, бредущего неведомо куда и откуда.

– Розалинда вернулась! – Бетти кинулась к старшей сестре.

– У тебя листья в волосах, – сказала Скай.

Розалинда провела рукой по волосам и, кажется, удивилась: да, и правда листья. Она принялась выдёргивать листья из волос и бросать их на пол.

– Где ты была? – спросила Джейн.

– Не знаю. Ходила где-то, сидела, лежала – не помню.

Зато Бетти было всё равно, где Розалинда была и что делала. Главное, что теперь она здесь.

– Папа читал мне про пёсика-моряка, – сообщила она. – А потом я захотела рассказ, и Джейн мне рассказала про принцесс. Но я ещё хочу твой рассказ.

– Хорошо, малыш. – Розалинда опустилась на кровать Скай. – Только подожди минутку.

Скай и Джейн тоже были рады, что Розалинда вернулась домой, – ничего, что из неё листья сыплются, пусть. Она же старшая из сестёр Пендервик, и самая надёжная. В трудные времена надёжные люди должны быть со своими ближними, чтобы поддерживать их и направлять. А не убегать, хлопая дверью, из дому. Вот только почему-то сёстры сейчас не чувство-

вали, что Розалинда готова их поддерживать. Наоборот: её, кажется, саму не мешало бы поддерживать.

– Розы, твой ананасовый перевёртыш – такая вкуснотища! – сказала Джейн. Запустив руку под кровать, она выудила оттуда нечто завернутое в липкую бумажную салфетку. – Я утащила для тебя кусочек.

– Нет, нет, не хочу! – Розалинда отчаянно помотала головой, отчего последний запутавшийся у неё в волосах листок мягко спланировал на пол. После этого она опять замолчала.

Теперь была очередь Скай.

– Ерунду они какую-то придумали, да? Ну, насчёт папы...

– Ерунду? – взвилась Розалинда. – По-твоему, то, что папа собрался бегать на свидания, это... ерунда?

– А разве нет? – пробормотала Скай, смущённая напором сестры.

– Нет! Это не ерунда. Это гораздо хуже. Сама подумай: а если он и правда в кого-нибудь влюбится? Так у нас, чего доброго, появится... – Розалинда сердито дёрнула плечом, но не договорила.

– Мачеха, что ли?

– Мачеха... – Кажется, такая мысль не приходила Джейн в голову.

– А вы вспомните Анну, – подсказала Розалинда.

У её подруги Анны была прекрасная нормальная мама, но папа – хуже некуда: вечно женится, разводится, влюбляется, женится, и опять всё по новой. Эта история тянулась и тянулась и повторялась уже столько раз, что Анна давно перестала за ней следить, а всех своих мачех звала Клавдиями, в честь первой.

– Чего ради мы должны её вспоминать? – возмутилась Скай. – Наш папа нисколечко не похож на Анниного!

– Ну не похож. – Розалинда как будто слегка устыдилась.

– Ой, – сказала вдруг Джейн. – А противного Декстера помните? Бедному Джеффри из-за него вообще пришлось уехать из дому!

С мальчиком Джеффри сёстры познакомились во время летних каникул. А противный Декстер ухаживал за миссис Тифтон – мамой Джеффри. Миссис Тифтон и сама, конечно, хороша, но Декстер – это такой кошмар, что Джеффри предпочёл учиться в школе-интернате в Бостоне, лишь бы не жить с ним под одной крышей.

Скай поняла, что пора вступаться за папину честь.

– Эй, что это вы такое несёте? Ну как можно нашего папу сравнивать с миссис Тифтон?

Бетти очень старалась уследить за разговором. Но хотя она не меньше сестёр любила Джеффри и не любила Декстера и миссис Тифтон, она никак не могла понять, какое все они имеют отношение к их папе. И к каким-то свиданиям. Честно говоря, у неё сейчас совсем ничего не получалось понять, потому что она очень, очень устала. Она уснула бы не сходя с места, если бы Розалинда рассказала ей наконец вечерний рассказ. Хотя бы малюсенький рассказик. Лучше всего про маму.

– Розалинда, пожалуйста, – попросила она.

Но сёстры продолжали спорить.

– Скай права, – говорила Джейн. – Наш папа никогда не влюбится в какого-нибудь ужасного Декстера – ну, то есть не в Декстера, а в женщину, но такую же ужасную...

– Ну и что? – Розалинда пожала плечами. – Эта женщина может быть не такой ужасной, как Декстер, и всё равно ужасной.

– Декстер, Шмекстер, – проворчала Скай. – А я доверяю нашему папе, и точка, понятно? И, кстати, вы обе как будто забыли: это же всё мама придумала, а не кто-нибудь.

– Я не забыла. Но мама была не права.

– Розалинда! – изумлённо вскрикнула Джейн. Их мама всегда была права, все сёстры это знали.

– Да. Она была не права. – Розалинда отвернулась и стала смотреть в окно.

Ах, как всё это Бетти не нравилось! Ей не нравилось, что Розалинда её как будто не замечает. Не нравились листья, которые упали на пол, и теперь на половине Скай получился беспорядок. А больше всего ей не нравились эти разговоры про то, что мама была не права. Теперь Бетти хотела только одного: вернуться туда, где её ждёт верный Пёс. В свою комнату, в свою кроватку. И если Розалинда не хочет пойти с ней – значит Бетти пойдёт одна. Она потянула за собой красную тележку, но колесо зацепилось за стопку книг. Бетти потянула сильнее, и тогда тележка перевернулась, и поднять её никак не получалось, а слёзы уже текли так сильно, что Скай их сейчас увидит и обзовет Бетти плаксой... Но тут Розалинда наконец подхватила её на руки, прижала к себе и стала говорить хорошие, ласковые слова.

– Я только хотела послушать рассказ... – рыдала Бетти, – чтобы лучше спа-ать...

– Я знаю. – Махнув Скай и Джейн рукой, Розалинда отнесла Бетти в её комнату и уложила в кроватку. Пёс приоткрыл один глаз. Убедившись, что с Бетти всё в порядке, он перевалился на другой бок и опять уснул.

– Моя тележка... – всхлипнула Бетти, пытаясь втиснуться между разложенными по подушке мягкими игрушками.

– Я схожу за ней, а потом расскажу тебе вечерний рассказ.

Но к тому времени, когда Розалинда вернулась с тележкой и припарковала её у комода, Бетти уже спала – так же мирно, как Пёс.

– Спокойной ночи, Беттик-светик, – прошептала Розалинда, но ушла не сразу, а ещё долго сидела и смотрела на спящую сестрёнку: вдруг она всё же проснётся и захочет послушать вечерний рассказ.

Глава четвёртая Железное спокойствие

На другой день, когда вся семья обедала на кухне, Скай в полном одиночестве сидела у себя в комнате. Через час у них с Джейн должна была начаться игра. Если Джейн любила перед игрой плотно покушать, то Скай обычно ограничивалась парой бананов и стаканом молока. Главное, считала она, – сосредоточиться, а не набить брюхо.

Их команда называлась «Антонио Пицца» (в честь одноимённой пиццерии) – форма жёлтая с красным, на спине надпись «Антонио» и треугольный ломтик пиццы. В этом сезоне её, Скай, к удивлению всей семьи и её собственному, выбрали капитаном команды. К удивлению, потому что в прошлом году у неё было не очень хорошо с самообладанием. Точнее, совсем нехорошо. Например, однажды во время матча она обозвала судью толстым патиссоном. А в другой раз прыгнула на пластиковую бутылку с водой, бутылка лопнула и обрызгала чьих-то родителей. А в третий раз... – впрочем, не важно, сейчас все те разы были уже позади. Во всяком случае, Скай очень на это надеялась. Капитану команды, считала она, в первую очередь требуется железное спокойствие. И она твёрдо решила его в себе вырабатывать.

Её разминка перед игрой включала в себя десять глубоких выпадов вперёд (для растяжки ног), десять круговых движений головой, десять отжиманий, тридцать приседаний и проговаривание вслух простых чисел от одного до восьмисот одиннадцати (для концентрации внимания). После этого она в течение пяти минут представляла себе, как разгромленная и истекающая кровью команда противника молит «Антонио Пиццу» о пощаде. А дальше следовала самая трудная часть: пять минут позитивных мыслей. Это последнее упражнение она включила по совету мистера Пендервика: он сказал, что надо уравновешивать негатив, особенно в те дни, когда ей удаётся очень уж живо вообразить поверженных и окровавленных противников. Насчёт уравновешивания Скай была с ним согласна – уравновешивать надо, конечно. Но только чтобы получить эти пять минут позитива, ей почему-то каждый раз приходилось настраиваться не меньше четверти часа. Она надеялась, что хоть сегодня дело пойдёт быстрее.

Растяжки, круговые движения, отжимания, приседания и простые числа проскочили легко. Представить противника разбитым в пух и прах – ещё легче, тем более что сегодня «Антонио Пицца» собиралась сразиться со своим главным соперником, командой «Камерон Металлик», названной так в честь местной фабрики металлоизделий. Капитан «Металликов», Мелисса Патноуд, была невыносимая зануда, училась со Скай в одном классе и вечно хихикала над их учителем, мистером Баллом. Одним словом, у Скай было достаточно причин, чтобы с полной отдачей бороться за победу.

– Всё, «Камерон Металлик», не жди пощады! – привычно произнесла она в конце, после чего для верности ещё немного полюбовалась последней мысленной картинкой: униженная Мелисса признаёт своё полное и безоговорочное поражение.

Теперь пора было переходить к позитивным мыслям. О чём бы таком подумать? Например, неделю назад, готовясь к игре, она думала о том, что скоро к ним приедет тётя Клер. И если бы она приехала и вела себя как всегда, Скай бы сейчас радовалась тому, как всё прекрасно

и замечательно. Но приехать-то она приехала, а радоваться оказалось нечему. Наоборот, всё в доме Пендервиков пошло наперекосяк. А сегодня вдобавок выяснилось, что уже вечером у папы первое свидание. И что? Ну свидание, ну странно, конечно, но совсем-то с катушек можно было бы и не съезжать, тем более если ты старшая сестра, на которую...

Стоп, приказала себе Скай. Только о позитивном.

Можно думать про школу. В школе, правда, никуда не денешься от Мелиссы – на всех уроках её голова торчит прямо перед глазами Скай, – но всё остальное складывается очень даже неплохо. Вместо уроков математики мистер Балл разрешает Скай сидеть в библиотеке и заниматься геометрией, потому что материал за шестой класс она уже знает так, что может хоть сама его преподавать. Домашнее чтение у мистера Балла вообще по выбору – читай что хочешь. Скай выбрала для себя «Ласточек и амазонок»⁶, а это целых двенадцать отличных книжек про каникулы с приключениями на озере. Вот с историей, правда, дела обстоят похуже: мистер Балл задал каждому придумать пьесу об ацтеках. Скай с удовольствием накатала бы какое-нибудь сочинение об ацтекской системе счисления. Или даже, если надо, о посевах с урожаями. Но как она будет выдумывать целую пьесу, со всякими там характерами, завязками и развязками, – когда ей эти завязки-развязки нисколько не интересны? А тут ещё Мелисса все уши прожужжала про то, как она уже дописывает свою ну просто гениальную пьесу!

Стоп! Скай досадливо покосилась на часы. Ещё четыре минуты позитива – а где их взять?

И тут её осенило. Лето, каникулы, Арундел – вот это позитив! Сидя на кровати, она откинулась на подушку... и уплыла далеко-далеко... в прошедшее лето. Как они тогда играли в «двое против одного» – Скай, Джейн и Джеффри... А как они расстреливали из лука нарисованного Декстера... А один раз они с Джейн выбрались из комнаты Джеффри через окно по ветке большого дерева, но спуститься вниз сами не смогли, и Кегни пришлось их спасать... Скай вспоминала и вспоминала, и чем дольше она вспоминала, тем больше собой гордилась. А когда она снова посмотрела на часы, выяснилось, что всё в порядке – есть пять минут позитивных мыслей! И, кстати, сегодня она так быстро управилась, что до игры ещё вагон времени. Можно успеть чем-нибудь себя порадовать. И Скай уже даже знает чем: сейчас она опробует свой новый бинокль при дневном свете.

Через минуту Скай, с биноклем на шее, выползала из окна своей комнаты на крышу гаража. Это был её личный наблюдательный пункт. И одновременно тайное убежище. То есть сёстры-то о нём, конечно, знали – зато папа не знал. И тётя Клер не знала. И ни один бебиситтер за несколько лет даже не заподозрил, что она любит сидеть на крыше. Сама Скай не собиралась им об этом сообщать – ясно же, что взрослые не одобряют сидения на крыше, даже если это всего-навсего крыша одноэтажного гаража. Ну а за сестёр Скай была спокойна: не выдадут. Сёстры Пендервик никогда друг друга не выдают.

Усевшись поудобнее, она поднесла бинокль к глазам и покрутила колёсико. Ого! Вот это биноклик! Вся улица Гардем как на ладони. Вон на углу в одном конце улицы торчит почтовый ящик Коркхиллов, на нём нарисованные листья плюща. А в другом конце на площадке припаркован чей-то зелёный автомобиль, можно даже разобрать буквы на номерном знаке.

– Отпад! – пробормотала Скай. – Отпад и улёт! – Она навела бинокль на противоположную сторону улицы, на дом Гейгеров.

Гейгеры – мистер Гейгер, миссис Гейгер, Томми и Ник – жили на улице Гардем всегда, как и Пендервики. Скай смотрела на их дом миллион раз, но тогда она смотрела без бинокля, а теперь – в бинокль, это совсем другое дело. Прямо у неё перед глазами, так близко, что хочется потрогать, – вмятина на двери гаража: это Томми года три назад попытался въехать в закрытый гараж на мопеде. А вот и футбольный мяч, который Джейн давным-давно запустила

---

⁶ Серию детских книг «Ласточки и амазонки» написал английский журналист, писатель и разведчик Артур Рэнсом (1884–1967).

на крышу, а он скатился в водосточный жёлоб и там застрял. «Этот мяч принадлежит Дж. Л. Пендервик!» – прочла Скай. Вот куст рододендрона, сильно пострадавший в прошлом году: Ник учился водить машину и неудачно дал задний ход. Бедный рододендрон. Миссис Гейгер потом чего только не делала, чтобы его выводить, но, честно говоря, он так и не оклемался.

А вот кто-то выскочил из-за угла дома – длинные руки-ноги, на плечах наплечники, на голове шлем с решётчатым забралом⁷ – всё ясно, Томми. Скай попыталась навести на него резкость, но не успела, он уже завернул за противоположный угол. Тренируется. Томми вечно тренируется. Бегает, толкает штангу, делает какие-то бесконечные упражнения. Розалинда говорит, если бы он так выкладывался на уроках, давно был бы первым по всем предметам. Вот он, уже обогнул дом и опять выбежал из-за угла.

– Скай, через пять минут пора переодеваться. – Это Джейн высунулась из окна. – Не забыла сказать, чтобы «Металлики» не ждали пощады? Как твой позитив сегодня?

– Нормально. Не мешай, я ещё не закончила.

Скай опять навела бинокль на ту сторону улицы. Прошло уже минуты две, но Томми больше не появлялся. Наверно, остановился где-нибудь, выполняет свои «обезьяньи прыжки»: упор присев – упор лёжа – отжимание – упор присев – встать. Томми жить не может без этих «обезьяньих прыжков», это у него любимое упражнение.

Над головой послышался птичий гогот, и Скай вскинула бинокль к небу. Ага, канадские гуси пролетают над Камероном. Сейчас поглядим на них... Она подкрутила колёсико...

– Привет.

Ну вот, тайное убежище называется. Теперь Томми пожаловал. Оказывается, он не прыжки выполнял, а взбирался на дерево, которое растёт возле самого гаража. Голова в футбольном шлеме странновато торчит из густой листвы.

– Я занята, – сказала Скай.

– А я тренироваться собираюсь. Побегашь со мной?

– Не могу. У нас с Джейн игра.

– А у Розалинды что?

– Розалинда идёт за нас болеть. Вся семья идёт за нас болеть, даже тётя Клер – она как раз вчера приехала.

– А потом она не сможет, как думаешь? В смысле, Розалинда, а не тётя Клер. То есть, наверно, тётя Клер тоже может побегать, если захочет... но лучше бы Розалинда. Ну то есть...

Запутавшись окончательно, Томми умолк. Скай навела на него бинокль. Да уж, видок: огромный расплывающийся нос в футбольном шлеме.

– Что это с тобой сегодня?

– Ничего. – Но расплывающийся нос покраснел.

– Приветствую тебя, хранитель футбольных врат! – Так, опять Джейн. – Как твой русский, продвигается?

Томми записался в школе на русский язык, а после русского он ещё собирается изучить кучу других языков. Потому что лётчику – Томми решил стать лётчиком – полезно быть полиглотом, чтобы летать куда угодно и со всеми свободно разговаривать.

– Ничего, неплохо, – сказал Томми и добавил для убедительности по-русски: – *Нье-плё-хо*.

– Прекрасно! – одобрила Джейн. – Скай, пора.

– Да. Пора. – Скай доползла до окна и вернулась обратно в комнату.

– А что Томми делал на дереве? – спросила Джейн.

---

⁷ Судя по экипировке, Томми тоже играет в футбол, но не тот, в который играют Скай и Джейн, – не европейский (с круглым мячом), а американский (с овальным мячом, похожим на яйцо). Американский футбол – игра жёсткая, и защитное снаряжение в ней тоже жёсткое: шлем, маска для лица, наплечники, щитки, наколенники, налокотники и т. д.

– Расплывался. Всё, переодеваемся.

В первой половине игры всё шло прекрасно, и даже пожелание удачи, лицемерно высказанное Мелиссой во время рукопожатия капитанов, не испортило настроения Скай. День был ясный, яркий – будто рисованный цветными карандашами. Зелёная трава, голубое небо, форма красная с жёлтым – ну или белая с фиолетовым, если кто пришёл полюбоваться на «Камерон Металлик». Силы у двух команд почти равные – зрители сидят затаив дыхание, – однако «Антонио Пицца» уверенно ведёт в счёте. А всё благодаря Джейн: она отличный бомбардир, а сегодня ещё и в ударе. В первом тайме «Пицца» провела в ворота «Камерон Металлика» три мяча, два из них забила Джейн. А «Металлики» не забили ни одного! Весь перерыв «Пицца» отплясывала что-то победно-воинственное – помесь хип-хопа с канканом и гавайским танцем хула-хула. Скай была вполне довольна собой, жизнью, своей сестрой и своей командой. Дело шло к выигрышу, и спокойствие Скай росло и крепло с каждой минутой.

К несчастью, Мелиссе и её команде отплясывать было не с чего, так что в перерыве «Металлики» занимались тем, чем и положено заниматься в перерыве, – готовились к продолжению игры. И начали второй тайм просто блестяще. К тому же коварная Мелисса, кажется, нащупала главную слабость Скай: когда Джейн с мячом понеслась вперёд, а тяжеловесная неповоротливая полузащитница «Камерон Металлика» подло сбила её с ног, Мелисса подскочила к Скай и фыркнула чуть ли не в лицо:

– Ах, какая жалость!

В былые времена Скай точно бы взбеленилась от такой наглости. Но новая, железно спокойная Скай взяла себя в руки – точнее, незаметно ущипнула себя за руку – и не набросилась на Мелиссу. Да и по правде сказать, ей сейчас было не до Мелиссы. Дело в том, что, когда Джейн сбивали с ног и ей было очень больно, с ней начинали происходить всякие неприятности. Например, она могла расплакаться. Или забыть, что такое футбол и как в него играют. Или – самая большая неприятность, с точки зрения Скай, – Джейн превращалась в Мика Харта и начинала орать во всё горло какую-то галиматью с британским акцентом.

Лишь когда за грубую игру был назначен пенальти и Джейн легко вкатила мяч в ворота противника, Скай вздохнула свободнее. Может, на самом деле полузащитница «Камерон Металлика» не такая тяжеловеска, какой выглядит, и Джейн не так уж сильно ударилась, и вообще всё тип-топ. Получив мяч, Скай устремилась с ним к центру поля, но тут же споткнулась, потому что Джейн у неё за спиной завопила неожиданно низким грубым голосом:

– Э-ГЕЙ, «МЕТАЛЛИКИ» – ЛУЗЕРЫ СТОЕРОСОВЫЕ!

Не тип-топ, подумала Скай. Мик Харт объявился, теперь пиши пропало. Интересно, «лузеры стоеросовые» – это очень ужасно или ещё терпимо? Судя по тому, как они звучат, – скорее ужасно. Скай послала мяч сестре, надеясь хоть этим привести её в чувство. А что ещё она могла сделать? Не бросать же всё, не выяснять с ней отношения посреди поля. Спокойно, уговаривала себя Скай. Джейн вот-вот образумится, и всё обойдётся. До сих пор же как-то обходилось. Главное – больше её не волновать.

Джейн удачно приняла мяч и повела его к воротам. Всё шло хорошо, и, может, она бы даже успела образумиться, но тут наперерез ей к мячу бросилась Мелисса. По Мелиссиному лицу было видно, что и ей эти «лузеры» ничуть не понравились.

– ХА! КОРОВА-КОРОВИЦА! – Джейн легко обошла соперницу. – И ВСЕ ТВОИ «МЕТАЛЛИКИ» – КОРОВЫ КОРОВИСТЫЕ, МУ-У-У!

– А ТЫ... А ТЫ... – задыхаясь от возмущения, выкрикнула Мелисса. – А ТЫ ЕЩЁ КОРОВЕЕ!

Это «коровее» прозвучало так нелепо, что расхохотались даже сами «Металлики». И совершенно напрасно. Потому что одно дело, когда тебя обзывают «коровой» или каким-то непонятно каким «лузером», и совсем другое, когда над тобой насмехается твоя же собствен-

ная команда. И Мелисса немедленно за себя отомстила – поставила подножку в тот самый момент, когда Джейн собиралась забить очередной гол. Скай, гордясь своей выдержкой, ждала, когда судья назначит заслуженный пенальти в ворота «Камерон Металлика». Однако судья, видимо, в тот момент смотрел в другую сторону и не заметил нарушения. Хуже того, когда Джейн, вскочив, понеслась дальше, Мелисса опять поставила ей подножку! А пока Джейн падала, она ещё и пнула её коленкой в бок («случайно», как она потом уверяла).

И тут спокойствие Скай лопнуло как мыльный пузырь, о чём Скай ни капельки не жалела. Кому оно нужно, это спокойствие, если из-за него приходится стоять и смотреть, как твою сестру пинают коленками в бок? И, отбросив сомнения, она помчалась вперёд со скоростью ветра, даже быстрее ветра. Гнев кипел и бурлил в ней, ноги несли сами, сжатые кулаки готовились обрушиться на Мелиссу – и обрушились бы, если бы на неё не наскочила толстая полузащитница Мелиссы – и, конечно, вся «Антонио Пицца» немедленно навалилась на полузащитницу – за Скай, за капитана! Мелисса заверещала, её нападающие сцепились с нападающими Скай, потом к ним присоединились защитники, полузащитники и даже вратари, судьи свистели в свистки, тренеры и родители бежали на поле разнимать дерущихся...

И, наконец, матч был официально прекращён, и всех игроков с позором выдворили со стадиона.

Когда Пендервики ехали домой, говорить никому не хотелось.

– Судья мне пожаловался, что в этой лиге никогда ещё не было таких безобразных потасовок, – прервал тягостное молчание мистер Пендервик. – Я, конечно, сделал вид, что я ничей не папа, а так, случайно завернул на стадион.

– Прости, пап, мне очень жаль, – сказала Скай.

На самом деле ей было не просто жаль, она была в отчаянии. Она столько трудилась, так работала над самообладанием, так взращивала и лелеяла в себе драгоценные ростки спокойствия – и что? Ничего, один пшик. «Антонио Пицца» должна была одержать убедительную победу – и вот из-за капитана всё пошло насмарку. Она, Скай, подвела свою команду, своего тренера, свою семью – всех подвела.

– Тётя Клер, и ты меня прости, пожалуйста. Тебе же, наверно, пришлось делать вид, что ты мне не тётя.

– Так и быть, прощаю. – Тётя Клер улыбнулась, отчего у Скай слегка отлегло от сердца. – Знаешь, когда ты ринулась на Мелиссу, это было... сногшибательно! Может, тебе стоит заняться хоккеем? Или, ещё лучше, борьбой?

– Клер, оставь свои шуточки, – проворчал мистер Пендервик.

– Ну почему шуточки? Твоя дочь и правда выглядела впечатляюще.

– Пап, ты пойми, Скай же защищала меня. Она думала, что Мелисса меня чуть насмерть не зашибла, – сказала Джейн, которую, как выяснилось, не только не зашибли, но даже не ушибли. – Эх, это я со своим Миком Хартом во всём виновата!

– Кстати, Джейн, насчёт Мика Харта. По-моему, его обаяние в последнее время несколько потускнело. Как думаешь, не пора ли отправить его обратно в Манчестер – или откуда он там родом?

– Да, ты прав. Пора. Просто когда я Мик Харт, это мне помогает не реветь от обиды... Хотя, наверно, лучше иногда пореветь, чем так.

– Ну, если выбирать из двух зол – реветь или так, – тогда лучше уж, пожалуй, пореветь. Джейн вздохнула, мысленно прощаясь с Миком Хартом.

– Но ты учти, пап: защищая меня, Скай боролась за всех Пендервиков, за нашу семейную честь.

– Учёл. Я вот только думаю: надо ли за неё так рьяно бороться?

– А я думаю, что Скай была лучше всех, – сказала Бетти.

– Ну ты и дурында! – Скай покачала головой. – Где же лучше всех, когда я капитан, а испортила всю игру? Но теперь уж я до конца сезона буду вести себя идеально. Ни за что не выйду из себя, лучше сдохну!

– Постарайся всё же до этого не доводить, – посоветовал мистер Пендервик. – Одного не пойму: как так получилось, что меня со всех сторон окружают такие воинственные особы? Кстати, Розалинда, как будет «война» на латыни?

– Это я помню! – Розалинда явно обрадовалась перемене темы. – *Bellum, belli*.

– Верно. А от слова *bellum* можно образовать *bellatrix*. Это значит «воительница».

Джейн тут же решила показать миру, какой должна быть настоящая воительница. Воздев кверху сжатые кулаки, она провозгласила:

– *Bellatrix* Пендервик!

Бетти не собиралась отставать от старших, поэтому она тоже подняла кулачки и потрясла ими.

Остаток пути все веселились и размахивали кулаками, а Скай размышляла о сложностях человеческой природы. Странная штука: вот она сейчас раскаивается, что не смогла сдержаться и потеряла самообладание, – и в то же время сама драка доставила ей просто невыразимое удовольствие. И ещё почему-то страшно приятно вспоминать, как взбешённый тренер «Камелтон Металлика» отчитывал Мелиссу. Ведь, наверно, нехорошо, что ей сейчас так приятно об этом вспоминать? Да, странно. И Скай решила, что как только у неё появится возможность, она выберется на крышу гаража и хорошенько всё это обдумает.

Но когда они подъехали к дому и вышли из машины, выяснилось, что одновременно с ними к своему дому подъехала и их новая соседка. Мистер Пендервик сказал, что сейчас самый удобный момент с ней познакомиться. Поэтому Скай, вместо того чтобы улизнуть к себе на крышу, неохотно поплелась вместе со всеми к соседнему дому. Сказать по правде, у неё совершенно не было настроения ни с кем знакомиться. Особенно с новой соседкой. И особенно сейчас. Потому что эта соседка, как сёстрам Пендервик было известно, преподавала в папином университете астрофизику. А Скай не просто очень уважала астрофизиков – она сама мечтала когда-нибудь стать астрофизиком. И ей совсем не хотелось встречаться впервые в жизни с настоящим астрофизиком, не задав при этом ни одного умного вопроса. А откуда у неё в голове возьмутся умные вопросы – после такой-то свалки на футбольном поле?

Когда Пендервики подошли, соседка вытаскивала ребёнка с заднего сиденья. У неё была целая копна рыжих кудрявых волос – точнее, как выяснилось вблизи, волосы были рыжие с золотистым отливом. И глаза тоже с золотистым оттенком – светло-карие. За стёклами очков они казались огромными и очень-очень осторожными. Как у лани, сказала потом Джейн.

Мистер Пендервик осторожности то ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил.

– Добрый день, миссис Ааронсон. Хочу познакомить вас со своей семьёй, – сказал он. – Вот это Клер, моя сестра, она приехала к нам на выходные. А это мои дочери. Розалинда – старшая. Следующая за ней Скай. Потом Джейн. И самая младшая... – Он умолк и оглянулся с таким видом, будто Бетти должна была по дороге потеряться (что обычно и происходило, когда сёстрам предстояло с кем-то знакомиться).

Но Бетти никуда не потерялась, а стояла рядом и дёргала его за рукав.

– Вот же я, – прошептала она. – Я тут.

– Гм-м, как интересно... Да, ты тут. – Он положил ладонь ей на голову. – И самая младшая, Бетти.

– Пап, спроси, как зовут малыша.

Бетти сказала это шёпотом, но соседка услышала.

– Его зовут Бен, – ответила она. – Бен, поздоровайся с нашими соседями.

– Утя, – сказал Бен. Волосы у Бена были ещё рыжее маминых.

– «Утя» – это пока единственное, что он говорит, – смущённо пояснила она. – Просто у нас дома много разных уточек, он их очень любит. А меня зовите, пожалуйста, Иантой.

– Ианта, астрофизик, – радостно брякнула Скай и только потом сообразила, что её бряк прозвучал глупее некуда. Теперь уж точно никакие умные вопросы не помогут, думала Скай, пятясь мелкими шажочками за Розалинду. Произвела, называется, первое впечатление. Ну и ладно. В конце концов, что толку с того, что соседка – астрофизик, если у соседки на руках всегда висит щекастый младенец? Общение с младенцами у Скай как-то не очень складывалось.

Джейн, судя по её сочувственной мине, тоже заметила промашку Скай. Хорошо хоть папа ничего сегодня не замечал.

– Ианта, – задумчиво повторил он. – Красивое имя. Значит «фиолетовый цветок». Слово греческое по происхождению. Но от него образовано латинское прилагательное *ianthinus* – фиолетовый, фиалковый.

– Да? – Ианта смотрела на него немного растерянно, но, кажется, с интересом.

– Ну вот, опять! Он всегда такой, – извиняющимся тоном сообщила тётя Клер. – Приятно было познакомиться, Ианта. Мы постараемся не слишком вас донимать!

Взрослые простились за руку – Розалинда как старшая из сестёр тоже пожалала Ианте руку, – и Пендервики зашагали обратно к своему дому.

– У меня к тебе просьба, Мартин, – сказала тётя Клер, когда они отошли достаточно далеко. – Пожалуйста, не говори больше сегодня про греческий и про латынь – я имею в виду вечером, на свидании.

– Да будь оно проклято, это свидание! – неожиданно взорвался мистер Пендервик.

– Папа! – изумлённо обернулась к нему Розалинда. Кто-кто, а их папа никогда не выходил из себя.

Зато Скай рассмеялась и прижалась к папиному локтю. Так вместе они и вошли в дом.

Глава пятая Первое свидание

Переодевшись из футбольного в обычное и прихватив с собой яблоко, ручку и голубую тетрадку, Джейн выбежала на улицу и направилась в своё самое любимое на свете место под названием Квиглин лес – целых полтора квадратных километра прекрасной, почти дикой природы, чудом сохранившейся посреди Камерона. Никто уже давно не помнил, кто такие были Квигли, чем они тут занимались и когда жили. В самом лесу от них остались только разбросанные тут и там низкие каменные стенки. Может, эти Квигли были фермеры или пастухи. А может, аристократы, бежавшие сюда от Французской революции, – эта версия особенно нравилась Джейн, хоть она и не взялась бы объяснить, откуда у французских аристократов такая нефранцузская фамилия. Как бы то ни было, теперь эта земля принадлежала штату Массачусетс. Но поскольку главный вход в Квиглин лес располагался в конце улицы Гардем, то проживающие на этой улице дети по праву считали его своей личной территорией.

Дети знали неписаное правило: до десяти лет нельзя ходить в Квиглин лес в одиночку. После десяти – пожалуйста; но без сопровождения взрослых или хотя бы старших нельзя забираться вглубь. С какого места начинается «глубь», тоже знали все: с ворчливого ручья, пересекавшего главную, самую натопанную лесную тропу, а это всего-то с полкилометра от входа. Впрочем, и по эту сторону от ручья детям было раздолье – и то, что им тут знакомо всё до последнего деревца и до последнего камешка, сётрам Пендервик ничуть не мешало.

Сегодня Джейн направилась к большому камню, который она называла Волшебным утёсом. Хотя Джейн уже стукнуло десять, вера в волшебное и чудесное до сих пор из неё не выветрилась. Кроме того, она практически не сомневалась, что всё волшебство штата Массачусетс, дошедшее до наших дней, каким-то образом сконцентрировалось вот в этом самом утёсе. Остальные сёстры об этом не догадывались: Розалинда была уже слишком большая для чудес и волшебства, Бетти – слишком маленькая, а Скай и думать забыла о чудесах в тот день, когда научилась делить в столбик.

– Привет, Утёс, – сказала она, добравшись до места. – Это я, Джейн.

Она с удовлетворением оглядела круглую поляну, сплошь заросшую мелкими астрами и розами. Наверно, когда-то эти розы и астры были высажены Квиглями на клумбе перед домом, но потом дом разрушился, а розы и астры одичали, измельчали и разбрелись во все стороны. Но даже сияющие звёздочки одичалых астр меркли рядом с Волшебным утёсом, что высился в центре поляны. В ширину утёс был примерно такой же, как в высоту. А в высоту – как Джейн, даже выше. Такой огромный камень, и к нему привалена целая груда камней поменьше. Джейн не сомневалась, что у такого камня должна быть своя удивительная история. Может, это и не камень даже, а метеорит – свалился в Квиглин лес прямо из космоса. Насчёт каменной мелочи у его основания Джейн не была уверена – но, возможно, метеорит потом каким-то чудесным образом притянул к себе все эти осколки и обломки, чтобы они вечно пылились у его подножия и вечно перед ним преклонялись.

– Я принесла тебе подношение, о Волшебный утёс!

Забравшись на каменную россыпь, она опустилась на колени и провела ладонью по большому камню сверху вниз. Давным-давно, много лет назад, она обнаружила в боку своего утёса трещину как раз подходящей ширины, чтобы туда вошла рука, и подходящей глубины, чтобы можно было что-то спрятать внутри. Но Джейн никогда не совала в эту трещину что попало, а приносила только самые ценные свои сокровища, подходящие для волшебных целей. Например, ракушки, собранные на Кейп-Коде в последнее лето, когда мама была жива; бедную куклу по имени Анжела, которой Скай нечаянно отбила полголовы; ручку, которой она, Джейн, написала свою первую книжку про Сабрину Старр; клюшку с эмблемой «Бостон Брюинз»⁸, которую Томми забыл перед гаражом Пендервиков прошлой зимой. Джейн всё ждала, когда же он спохватится и спросит: эй, где моя клюшка? И тогда она ему скажет: не волнуйся, Томми, твоя клюшка в надёжном месте, я её для тебя сберегла.

Она наконец отыскала знакомую трещину. Так, теперь само подношение. Вытащив из кармана несколько листов бумаги, она затолкала их в трещину. Как можно глубже.

– О Волшебный утёс, хранитель моих сокровищ! Пожалуйста, прими эти жалкие, позорные листки и помоги мне избавиться от их власти!

С такими словами Джейн вверила утёсу своё довольно помятое и потрёпанное сочинение про знаменитых женщин штата Массачусетс. То самое, за которое ей вlepили тройку. Хотя папа её потом успокаивал и говорил что-то про Толстого и про «Войну и мир», Джейн всё равно чувствовала, как эта жирная красная тройка отравляет её жизнь. А ей ведь придётся потом писать другие сочинения для мисс Бунды – и как их писать, когда над ней висит эта проклятая тройка? Оставалось надеяться на Волшебный утёс. Только он способен снять проклятие. Так уже было однажды: когда Эмили, подруга Джейн, очень сильно заболела, Джейн принесла утёсу её фотографию – и уже на следующий день Эмили почувствовала себя гораздо лучше.

С утёсом, правда, не всегда угадаешь, как он себя поведёт. Например, совсем недавно Джефффри заезжал в Камерон по пути в свою бостонскую школу-интернат, и Джейн привела его сюда. Они вместе нарисовали на листке бумаги портрет Декстера и затолкали его в трещину. Они рассчитывали, что благодаря утёсу Декстер или станет приличным человеком, или, ещё лучше, куда-нибудь денется, исчезнет. Однако через неделю Джефффри позвонил из Бостона и сообщил, что его мама с Декстером только что поженились и собираются ехать в свадебное путешествие в Европу.

Но Джейн не имела претензий к утёсу. В конце концов, они с Джефффри сами виноваты: не хотели, чтобы миссис Тифтон с Декстером поженились, – надо было так прямо и говорить. А они ведь про женитьбу ни словечком не обмолвились. Это во-первых. И во-вторых, они хоть и просили, чтобы утёс превратил Декстера в приличного человека, но сроков-то не называли. Так что Декстер, может, и исправится – лет этак через десять. Когда это уже будет никому не интересно.

На сей раз, обращаясь к утёсу, Джейн постаралась изложить свою просьбу как можно доходчивее.

– И, пожалуйста, дорогой утёс, сделай так, чтобы я никогда больше не получала тройки за сочинения. Спасибо. Ах да! И двоек тоже не надо. И единиц. Вот! Ещё раз спасибо.

Теперь с главным делом было покончено, но оставался ещё один важный ритуал – Джейн обязательно его совершала, если приходила сюда одна. Пока, правда, её усилия ничем не увенчались – ну и что, пытаться-то всё равно надо. Поэтому она вскарабкалась на большой камень и уселась на его вершине, скрестив ноги по-турецки.

– О Аслан! – Она простёрла руки перед собой. – Приди ко мне!⁹

---

⁸ «Бостон Брюинз» – профессиональный хоккейный клуб, играющий в Национальной хоккейной лиге США.

⁹ Великий лев Аслан – создатель нарнийского мира, описанного Клайвом Стейплзом Льюисом в книгах из цикла «Хроники Нарнии».

Она посмотрела налево, потом направо, и, не увидев золотого льва из Нарнии, снова протянула руки вперёд.

– О Саммиэд, приди ко мне!¹⁰

Но на зов опять никто не откликнулся. Джейн сделала ещё одну попытку:

– О черепаха, приди ко мне!

Черепаше¹¹ Джейн всегда старалась дать побольше времени – она хоть и умеет исполнять желания, но всё-таки ползает как черепаха. Поэтому Джейн начала считать до ста:

– Раз, два, три...

– Привет!

От неожиданности Джейн чуть не свалилась, еле успела ухватиться за край утёса. Так, значит, всё написанное прекрасным писателем Эдвардом Игером – правда? Раз говорящая черепаха к ней явилась? Но явилась, как тут же выяснилось, вовсе не черепаха, а Томми Гейгер – как всегда, в шлеме и в наплечниках, с мячом под мышкой.

Ладно, пусть будет Томми, решила она про себя, а вслух ответила:

– Приветствую тебя, герой очковой зоны!¹²

– Ну вот, опять ты несёшь какую-то белиберду. Говори нормально, как человек.

– Почему белиберду? Я просто сказала, что ты герой.

– Всё равно, говори нормально. – Он подбросил мяч вертикально вверх и, подпрыгнув, поймал его одной рукой.

– Хорошо. Тогда скажи что-нибудь по-русски.

– *Одын, тва, тры, чьетире.*

– Ух ты, как красиво! Русский – это же язык царей, царский язык! Что ты сказал?

– Посчитал до четырёх. А Розалинды тут нет?

– Ты же видишь, никого тут нет. Одна я, Джейн.

– А я вот решил побегать по пересечённой местности. Ну и подумал: может, Розалинда тоже захочет побегать?

– Давай я с тобой побегаю, если надо.

– Да нет, это пробежка для тех, кто постарше... Ладно, начну пока сам, а Розалинду потом позову. – Он снова подкинул мяч в воздух, ещё выше, чем в первый раз.

– Потом она будет занята, – заметила Джейн не без ехидства в голосе, но тут же устыдилась, потому что Томми замешкался и овальный мяч обрушился ему прямо на голову. Шлем, конечно, смягчил удар, но, кажется, не совсем. Чтобы загладить вину, Джейн принялась объяснять, чем Розалинда будет занята, – и в итоге выложила всё-всё: и про тётю Клер, и про то, что у папы сегодня первое свидание с какой-то мисс Мунц.

Когда она закончила, Томми даже присвистнул.

– Свидание? У мистера Пена? Ого! Бедная Розалинда.

– Вообще-то мы все бедные... – Это Джейн опять попыталась съехидничать, но Томми даже не заметил: махнув на прощание рукой, он уже убежал по пересечённой местности.

Чем бы таким заняться, размышляла Джейн, сидя в одиночестве на вершине утёса. Продолжить ритуал с волшебными существами? В конце концов она решила, что в десять лет человек уже взрослый (даже если некоторые так не считают) и хватит уже забивать себе голову всякими глупостями. Поэтому она просто сгрызла прихваченное из дома яблоко, раскрыла тетрадку и приготовила ручку, чтобы писать следующее сочинение для мисс Бунды.

---

¹⁰ Саммиэд – волшебное существо из книг Эдит Несбит «Пятеро детей и Оно» (1902) и «История с амулетом» (1906). Существо называло себя песчаной феей.

¹¹ Джейн, конечно, хотела, чтобы к ней пришла не просто черепаха, а волшебная говорящая черепаха из книги Эдварда Игера «Волшебство у озера» (1957).

¹² В американском футболе в двух концах поля находятся очковые зоны двух команд, а очки зарабатываются продвижением мяча в сторону очковой зоны соперника.

Двадцать минут спустя Джейн сидела на том же месте, в той же позе, а её взгляд был направлен на те же деревья. Проблема была в том, что тема нового сочинения – «Как наука изменила нашу жизнь» – казалась Джейн ещё скучнее и нуднее, чем «Знаменитые женщины в истории штата Массачусетс». Если уж тема про науку, думала она, то почему нельзя написать, как Сабрина Старр изобрела специальный приборчик, чтобы обезвреживать ядерные боеголовки на большом расстоянии? Разве это не интересно? Ещё как интересно! Вот только мисс Бунда за такой приборчик обязательно вкатит трояк. Или ещё чего похуже.

Вздыхнув, Джейн откинулась на спину и закрыла глаза. Может, если полежать на утёсе с закрытыми глазами, подходящая идея сама придёт в голову? Но солнце так приятно пригревало, а Джейн так устала после футбола – перевоплощение в Мика Харта всегда забирало у неё много сил, – что очень скоро утёс под ней закачался, как на волнах, и она поплыла в прекрасный мир... в котором всем нужна Джейн... а не её старшие сёстры... А потом, совершенно неожиданно, на утёсе появилась Скай.

– Джейн! Ты что тут делаешь?

Джейн подобрала откатившуюся в сторону ручку.

– Сочинение пишу.

– Оно и видно. Пошли домой! Папе уже пора на свидание, а он грозит, что никуда не поедет, пока я тебя не отыщу. Хорошо хоть Томми мне сказал, что ты здесь, а то бегаю-бегаю, уже с ног сбилась. – Скай сползла с большого камня на маленький, а с него прыгнула на землю.

– Что ещё Томми говорил? – Джейн тоже спустилась вниз.

– А я помню, что ли? Идём скорее.

Они бегом проскочили расстояние от поляны до главных ворот и, не останавливаясь, домчались по улице Гардем до своего дома. Перед самой дверью Скай притормозила.

– Значит, так, – озабоченно сказала она. – Папа немного не в себе. Тётя Клер предупредила, чтобы мы его не дёргали. Можно только помогать ему собираться, и всё. Ясно?

Джейн пожала плечами.

– Ясно.

Но по-настоящему ей стало ясно, только когда они со Скай вошли в гостиную. Последний раз у папы было примерно такое лицо в тот день, когда он шёл к зубному удалять сразу два зуба. И то, что тётя Клер и Бетти сейчас кружили вокруг него с одёжными щётками, пытаясь отчистить его брюки от собачьей шерсти, кажется, не очень помогало делу.

– Джейн, ну наконец-то! – воскликнул он. – Я уж думал, ты совсем потерялась. Кстати, если бы ты не находилась слишком долго, у меня был бы отличный повод отменить это окаянное свидание.

– Извини, пап, – сказала она. – Если хочешь, я тоже могу тебя почистить. А щётки у нас ещё есть?

– Нет уж, хватит с меня щёток! – Он замахал руками, отгоняя чистильщиц. – Лучше скажите, кто-нибудь видит мои очки?

– Я вижу. – Дежурившая поодаль Розалинда взяла очки с каминной полки и аккуратно водрузила их на папин нос. Но Джейн всё равно почему-то показалось, что Розалинда ещё больше «не в себе», чем папа.

– Хорошо, теперь хоть меню смогу разглядеть, – проворчал мистер Пендервик, поправляя дужку.

Тётя Клер снова попыталась подобраться к нему со щёткой.

– Мартин, давай и свитер заодно почистим – смотри, он же весь в шерсти!

– Ну и что? Если мисс Мунц собачья шерсть не устраивает – мы вряд ли сможем найти с ней общий язык.

– Мартин, а ты не хочешь надеть костюм?

– Папа терпеть не может костюмы, – напомнила Скай.

– Совершенно верно. Спасибо, Скай. Кстати, свидания я тоже терпеть не могу.

Красные часы на камине пробили пять – а в пять пятнадцать мистер Пендервик уже должен заехать за мисс Мунц. Пора. Он поцеловал по очереди всех своих дочерей, потом Пса (он никогда раньше не целовал Пса), потом подошёл к тётке Клер.

– Послушай, а что, если мы отложим это мероприятие на годик-другой? – спросил он.

– Неплохая мысль, – заметила Розалинда.

– Приятного тебе вечера, Мартин! – твёрдо сказала тётка Клер.

– А как же вы тут...

– У нас всё будет в порядке. – Тётка Клер обняла Розалинду одной рукой. – Правда, девочки?

– У меня да, – сказала Бетти. – На ужин же сегодня макароны с сыром.

– А у остальных? – спросил мистер Пендервик.

– У всех всё будет в порядке, – пообещала Скай, а Джейн бодро закивала. Розалинда тоже кивнула, хоть и не так бодро.

– Ну, тогда я готов. Идущий на смерть приветствует вас¹³.

– Вот и славно, – сказала тётка Клер. Вытолкнув брата из дома, она прислонилась к двери спиной, будто ждала, что он сейчас же начнёт ломиться обратно. – Ну, девочки, а теперь давайте развлекаться!

Но развлечения в этот вечер были какие-то не такие. То есть, конечно, макароны с сыром получились отлично – в холодильнике как раз нашлось три подходящих сыра, и ещё лук, и сельдерей, – а потом тётка Клер даже свозила девочек в кафе, где они ели мороженое с орешками и с сиропом. Но папы-то с ними не было. И забыть о том, что его нет, ни у кого не получалось. Вернувшись домой, сёстры выгребли из закромов целую кучу фильмов и долго выбирали, что бы такое посмотреть. Но так и не выбрали, потому что каждая хотела что-то своё, Бетти и Скай из-за этого чуть не подрались. В конце концов терпение у тётки Клер лопнуло, и в половине восьмого – Беттино время! – она прогнала всех спать.

– Ты спишь? – спросила Джейн.

– Нет, – откликнулась в темноте Скай. – Слушаю.

– Я тоже.

– Ага.

Обе продолжали прислушиваться, но внизу было тихо. Потом где-то совсем рядом скрипнула дверь.

– Это Розалинда, – прошептала Скай.

– Ага.

Обе тихонько встали и на цыпочках вышли из комнаты.

Розалинда стояла в конце коридора, перед лестницей, завернувшись в большое стёганое покрывало. Она развела руки в стороны и молча пустила сестёр к себе, и они завернулись в покрывало уже втроём. А через несколько минут послышался звук, которого все ждали: к гаражу подъехала папина машина.

Тут же снизу донеслись торопливые шаги – это из гостиной в прихожую выскочила тётка Клер. Наверно, она тоже ждала. Сёстры попятнулись в тень.

Наконец входная дверь отворилась, и вошёл папа.

– Ну что, Мартин? Как?

Он рассмеялся, но смех получился какой-то похожий на стон.

– *Cruciatus*.

---

¹³ Если бы у мистера Пендервика было сейчас время, он, возможно, объяснил бы дочерям, что такими словами – *Morituri te salutant* – приветствовали императора римские гладиаторы, отправляясь на арену.

– Переведи!

А потом взрослые ушли в гостиную. Если мистер Пендервик и перевёл свой ответ, то наверху этого никто не услышал. Скай и Джейн с надеждой обернулись к Розалинде, но та лишь пожалала плечами.

– Откуда я знаю, что такое *cruciatius*? Мы этого ещё не проходили.

– Ты всё же учи эту латынь поскорее, – вздохнула Джейн. – Иначе мы никогда не будем знать, что у нас в доме происходит.

– Может, это и хорошо, – зевая, заметила Скай.

– Нет уж, ничего в этом нет хорошего! – Розалинда сердито сдёрнула с сестёр покрывало. – Всё, спать пора. И постарайтесь как следует выспаться, потому что завтра нам всем придётся кое о чём подумать.

Она развернулась и ушла к себе в комнату.

– О чём? – спросила Джейн.

– Не знаю, – Скай мотнула головой. – Но мне это думание уже заранее не нравится.

Глава шестая План папоспасения

– Да нет, я точно привозила с собой тапочки, – сказала тётя Клер.

Воскресный день заканчивался, и тётя Клер уже готовилась к отъезду. Розалинда помогала ей собрать вещи.

– Вот эти? – послышался голос Розалинды откуда-то снизу.

Она вылезла из-под кровати, держа в руках красные шлёпанцы с опушкой. Опушка местами была влажная и слипшаяся, и у одного шлёпанца на самом видном месте красовалась большая рваная дыра.

– Ну, Пёс мне удружил...

– Надеюсь, это были не самые твои любимые тапочки?

– Нет, не самые. Просто любимые, – сказала тётя Клер, опуская шлёпанцы в мусорную корзину. – Он, наверно, рассердился на меня из-за этого свидания. Вот и решил в отместку загрызть мои шлёпанцы.

Конечно, Розалинда понимала, что тётя пытается её рассмешить. Но она не могла заставить себя смеяться. Всё, что прямо или косвенно связано с папиным свиданием, – всё это ни чуточки, ни капельки не смешно, считала она. Поэтому, не говоря ни слова, она просто свернула тётин купальный халат и положила его в раскрытый чемодан.

– Вижу, что и ты, моя милая племянница, сердишься на меня не меньше Пса. Ну хочешь, на, тоже погрызи. – Тётя Клер вручила Розалинде пару своих носков. – Вдруг поможет!

– Я не сержусь.

– Сердишься, сердишься.

– Ну хорошо, чуть-чуть.

– Уже теплее, – сказала тётя Клер. – Девочка моя, я понимаю: тебе и твоим сёстрам сейчас странно... или даже страшно думать о том, что папа с кем-то встречается. И ваша мама это предвидела – и очень за вас беспокоилась. Но она и за папу беспокоилась. Не хотела, чтобы он остался одиноким.

– Папа ни разу не жаловался на одиночество! – Розалинда бросила тётины носки в чемодан и захлопнула крышку.

– Знаю, что не жаловался. Но согласись, хорошо ведь, если он иногда будет встречаться с новыми людьми... я имею в виду, с женщинами. Это же очевидно?

Пока что Розалинде очевидно было одно: никакой радости вчерашняя встреча с новой женщиной папе не принесла. Она потом заглянула в латинский словарь и выяснила, что такое *cruciatus*. Оказалось, «пытка». Бедного папу пытали! Сначала за ужином, а потом ещё в кино. Вообще-то она была даже рада, что свидание папе не понравилось: значит, хотя бы на мисс Мунц он точно не женится.

Но всего этого словами не объяснишь. Поэтому, чтобы тётя Клер не обиделась, Розалинда просто прижалась на миг к её плечу и сказала:

– Я отнесу твой чемодан в машину.

Поставив чемодан в багажник, она уселась на траву и продолжила думать о том, о чём думала непрерывно вот уже полтора дня: как пресечь этот кошмар со свиданиями? Нужен был план. Но ничего путного в голову не приходило. Разве что название: «План папоспасения». Конечно, в глубине души – на самом её доньшке – она понимала, что честнее было бы назвать его как-то по-другому, например «план Розалиндоспасения» или хотя бы «план сестроспасения». Но в этом Розалинда даже себе не готова была признаться. Да и, в конце концов, не она же придумала слово *cruciatius*, папа сам его сказал!

Неведомо откуда прилетевший овальный мяч стукнулся о траву и отскочил Розалинде прямо в руки.

– Томми! – вскрикнула Розалинда, потому что кто же ещё мог так нахально запустить в неё мячом?

И она не ошиблась – с той стороны улицы к ней вприпрыжку бежал Томми Гейгер, в шлеме и в наплечниках.

– Я на тренировку. Не побегаешь со мной?

– Нет. – Точным броском она вернула ему мяч.

– Тогда, может, позже? – Томми, с мячом под мышкой, плюхнулся рядом с ней.

– Нет, – сказала Розалинда и вернулась к своему плану. Присутствие Томми ей ничуть не мешало: для неё он был частью улицы Гардем – как клёны у домов или парковка в конце улицы.

– Джейн мне сказала, что у мистера Пена вчера было свидание. – Томми несколько раз подряд подбросил мяч вертикально вверх. – Как прошло?

– Кажется, прекрасно.

– М-м-м... То есть ему эта мисс понравилась?

– Наоборот! Она ему не понравилась, и это как раз прекрасно. Знаешь, когда я обо всём этом думаю, мне вспоминается Аннин папа... И ещё один наш друг, с которым мы познакомились летом.

– Кегни, что ли? – спросил Томми.

– А? – Розалинда имела в виду не Кегни, но дело было не в этом. Просто она вдруг поняла, что она ведь так ничего и не рассказала тёте Клер: как она думала, что влюбилась, и как у неё колотилось сердце...

– Ну, Кегни, садовник. Который уже почти взрослый и вообще такой весь из себя, тыры-пыры.

– Что значит «тыры-пыры»? Да что ты о нём знаешь? Я же тебе даже ничего не рассказывала! Хотя это не важно, сейчас-то речь не о нём, а о Джеффри. А Джеффри – ровесник Скай, никакой не взрослый.

– А-а. Ну, значит, я не так тебя понял.

Розалинда только покачала головой. Томми иногда глупеет прямо на глазах – что с ним такое?

– Так вот, мама этого Джеффри...

– Но ты всё же вспомни, ты мне кучу всего нарасказывала про своего Кегни. Хочешь, докажу? Он болеет за «Ред Сокс», так? В школе играл в баскетбольной команде, так? Мечтает стать учителем истории, потому что помешан на Гражданской войне. А на прощание он подарил тебе розу, и ты её посадила у себя под окном, разве не так? Ещё у него была подружка по имени Катлин...

Розалинда досадливо взмахнула рукой.

– Всё ясно. Замечательно. Про Кегни ты больше не услышишь от меня ни слова. Но я же тебе объясняю: сейчас я говорю о другом. Мама Джеффри встречалась с Декстером, а он...

– Вот и хорошо, что о другом. А то мне неинтересно выслушивать, какой этот Кегни хороший-расхороший.

– Знаешь что, Томми? А мне... мне вообще неинтересно с тобой разговаривать.

– А мне – с тобой! – Он вскочил. – Пойду лучше тренироваться.

– Вот-вот, иди, тренируйся. Кстати, тебе не кажется, что ходить всё время в футбольном шлеме – глупо?

– Я... Ты... – Но тут в горле у него будто что-то булькнуло, и он ушёл, топая бутсами.

Всё это было как-то странно: Томми обычно не булькал и не топал. Но Розалинде сейчас некогда было разбираться, с чего он так взвился, – все её мысли были о папиных свиданиях. А к тому моменту, когда в дверях появилась тётя Клер, Розалинда уже и думать забыла про Томми.

Сёстры не любили провожать тётю Клер. Точнее, они не любили, когда она уезжала. Но сейчас все испытывали невольное облегчение от того, что выходные наконец закончились и с ними вместе закончился кошмарный ужас (именно так они будут называть его всегда, до конца жизни) первого папиного свидания.

Впрочем, в очередь – обниматься с тётей Клер – выстроились, как обычно, все Пендервики.

– Спасибо за подарки, – сказала Розалинда: её очередь была первой.

– Только в следующий раз приезжай, пожалуйста, без них, – добавила Скай, вторая в очереди.

Тётя Клер рассмеялась. Она прекрасно всё поняла.

Джейн тоже всё поняла. Обнимая тётю Клер, она прошептала:

– А по-моему, книжки всегда хороши, даже когда нет никаких неприятных известий.

Бетти решила обниматься, стоя во весь рост в своей красной тележке. Когда подошла её очередь, она гордо выпрямилась, но тут Пёс решил к ней присоединиться и от избытка чувств опрокинул тележку вместе с Бетти. Подхватив младшую дочь на руки и осмотрев её на предмет ушибов и повреждений – ни тех ни других не обнаружилось, – мистер Пендервик распахнул для тёти Клер дверцу машины.

– Ну, когда теперь тебя ждать?

– Недельки через две-три. Надеюсь, к тому времени ты уже сможешь мне рассказать, как прошло следующее свидание.

Мистер Пендервик закрыл дверцу, которая почему-то очень громко хлопнула.

– Где я тут найду, с кем ходить на свидания?

– А ты всё-таки попытайся. Не найдёшь – ну что ж, придётся мне тебе помочь. – И тётя Клер уехала, весело махнув на прощание рукой.

– Хорошо бы через две-три недельки у неё развилась избирательная потеря памяти, – проворчал мистер Пендервик. – Авось тогда обойдёмся без свиданий.

– Авось, – сказала Скай не очень уверенно.

– Пап, но у нас-то, у всех сразу, она не разовьётся, – возразила Джейн. – Мы ведь помним, что ты дал слово. И потом, всё равно после твоего первого свидания наш мирный семейный очаг уже лишился своей былой безмятежности. Так что ещё два-три свидания ничего не изменят.

– Гх-м-м. – Мистер Пендервик с надеждой перевёл взгляд на Розалинду, но ничего утешительного не услышал. А что она могла сказать? В самом деле, не объяснять же ему про план папоспасения, тем более что и плана пока толком нет. – Ну что ж. Тогда я пошёл проверять студенческие работы. Или кто-то что-то имеет добавить? Насчёт былой безмятежности?

– Нет, – ответила за всех Розалинда.

Когда папа развернулся и пошёл к дому, его спина выглядела такой непривычно сутулой и одинокой, что Розалинда преисполнилась новой решимости спасти его – и всех остальных тоже – от тяжкого бремени свиданий.

– Собираем совсеспен, – бросила она сёстрам.

Совсеспены, то есть совещания сестёр Пендервик, могли происходить где угодно, но сёстры предпочитали Квиглин лес – конечно, если было не слишком холодно или дождливо.

А в Квиглином лесу они предпочитали один старый поваленный дуб. Он упал в сильную грозу много лет назад, и теперь его огромные узловатые вывороченные корни вздымались высоко над землёй. В своё время сёстры Пендервик укрывались за этими корнями от вражеских армий, мнимых или настоящих (в роли настоящих обычно выступали Томми и его брат Ник). Но Розалинда, Скай и Джейн уже вышли из того возраста, когда девочки играют в войну, а Бетти ещё не вошла в тот возраст, когда можно бегать по Квиглину лесу без старших. Поэтому дуб теперь чаще оказывался залом заседаний, чем крепостью.

Розалинда выбрала для себя удобное место повыше: выбирала всегда та из сестёр, которая созывала совеспен. Остальные устроились на соседних корнях, пониже. Пёс улёгся рядом с Бетти, развернувшись на всякий случай носом к тропинке – мало ли какая оттуда может грозить опасность. Когда все расселись по местам, Розалинда приступила к обычной процедуре.

– Предлагаю начать совещание сестёр Пендервик.

– Поддерживаю предложение, – откликнулась Скай.

– Я тоже, – сказала Джейн.

– Я тоже. И Пёс тоже.

Скай закатила глаза.

– Бетти! Миллион раз тебе уже объясняли: Пёс не должен ничего поддерживать.

– А он хочет вместе со всеми. Правда, Пёс?

– Гав.

– Так, тихо! – прикрикнула Розалинда. – И ты тоже тихо, Пёс, – добавила она, предупреждая очередной «гав». Она сжала правую руку в кулак и вытянула вперёд. – Клянёмся молчать обо всём, что здесь будет, храня нашу тайну даже от папы... особенно от папы. Только чтобы беду отвести, мы вправе нарушить данную клятву.

Сёстры тоже сжали кулаки и выставили их вперёд – один над другим.

– Честью семьи Пендервик – клянёмся! – произнесли сёстры вместе.

Четыре руки опустились.

– Вы все знаете, из-за чего мы сегодня собрались... – начала Розалинда.

– А из-за чего? – спросили сёстры.

– Из-за папиных свиданий! Не понимаю, вам совсем, что ли, всё равно, что у нас в семье творится?

– Мне – нет. – Бетти вытащила из кармана имбирное печенье, половину отгрызла, второй половиной угостила Пса.

– Спасибо, Бетти. В общем, всё это время я пыталась придумать, как предотвратить эти ужасные свидания. Только не говорите мне, что это была мамина затея. Знаю, что мамина, но от этого не легче. – Розалинда вызывающе оглядела сестёр, будто предупреждая: только попробуйте возразить.

Скай тут же попробовала.

– Нам всем эта затея не нравится, но папа же обещал тёте Клер! И тут ничего не поделаешь, обещал – значит должен выполнять.

– Кроме того, у мужчин есть потребности, – вставила Джейн. – Я читала в одном журнале.

– Какие потребности? – спросила Бетти.

– В каком журнале? – спросила Скай.

– Тихо! – Розалинда постучала по ближайшему корню, призывая сестёр к порядку. – Да, Скай, папа обещал, ему пришлось согласиться на эти свидания. Но мы-то знаем, что он их ненавидит так же, как я... как все мы. Я посмотрела в словаре то слово, что он вчера сказал, *cruciatus*. Знаете, что оно означает? «Пытка»!

– Мисс Мунц пыталась папу? – Глаза у Джейн округлились от ужаса: ведь пытать – значит вздымать на дыбу! Или избивать цепями.

– Нет, конечно, – поморщилась Розалинда. – Папа просто хотел сказать, что он чувствовал себя несчастным. И нам надо придумать, как его спасти, но чтобы при этом он мог выполнить своё обещание... Я надеялась, что ещё до начала совсепена успею сама придумать какой-нибудь план. И я очень старалась, уже и так прикидывала, и этак... Но пока что у меня придумалось только название. «План папоспасения», вот.

– Хорошее название, – кивнула Скай. – Кто «за», поднимите руки. Или давайте так: кто согласен, кричите «я», будто у нас перекличка на корабле... Я!

– Я! – крикнула Джейн и совершенно неожиданно сообразила, что у её любимой героини не было ещё ни одного морского приключения. – Слушайте, Сабрина Старр же может спасти кита!

– Джейн! – Розалинда схватилась за голову, которая у неё вдруг сильно разболелась. – Ну как же так! Почему никто, кроме меня, не хочет понять, как это всё серьёзно!

– Прости, Роза... Я понимаю, – пробормотала Джейн, а Бетти, в знак того, что она тоже понимает, передала Розалинде имбирное печенье.

– В общем, у нас есть название плана, но нет плана, – попытожила Скай. – Может, их... того? Допустим, тётя Клер подыскивает папе очередных тётенок, а мы их убиваем? По одной, друг за дружкой.

Бетти очень оживилась.

– А как мы их убиваем? Расскажи.

– Да говорите же вы по делу! – воскликнула Розалинда. – Нам папе надо помочь. Па-пе! Ну, и как-то устроить, чтобы у нас не появилась... – Но произнести слово вслух Розалинда так и не смогла, только сильнее сжала голову руками.

– Мачеха, – закончила за неё Скай. – Я вообще-то по делу говорила. Но раз вы не хотите никого убивать, тогда давайте по-другому. Отменить свидания совсем мы не можем, так? Папа обещал, обещания надо выполнять, это понятно. Но мы же можем сами подыскать для папы ещё трёх тётенок – таких, чтобы они ему ну совсем не понравились? Как мисс Мунц. Он встретится с ними по одному разу – и привет, о следующем свидании даже слышать не захочет. И никаких мачех! Ну что, гениальный план?

Розалинда убрала руки от головы и посмотрела на сестру каким-то странным взглядом.

– Слушай, а ведь и правда гениальный...

– Да? – Скай не привыкла, чтобы её планы называли гениальными. Нелепыми, дикими, опасными – пожалуйста. Но гениальными – пока что ни разу.

– Погодите, погодите, – Джейн ещё не решила, как относиться к предложению сестры. – Мы что, будем подыскивать для папы самых противных тётенок? Это же нечестно! Что папа про нас подумает, когда узнает?

– А мы ему не скажем – он и не узнает. – Голова у Розалинды неожиданно прошла. – И потом, не забывай: мы же ради него стараемся.

– М-м-м... наверно, ты права. Даже если это свинство с нашей стороны. Но ему ведь потом будет лучше, да?

– Я одного не понимаю, – сказала Скай, которой совсем не хотелось войти в анналы семьи Пендервик автором нечестного и свинского плана. – Вы от всех моих идей вечно отмахиваетесь. А за эту вон как ухватились. Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.